

ДАНИЭЛА СТИЛ

*Драгоценные
дары*

Даниэла Стил
Драгоценные дары

«АСТ»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стил Д.

Драгоценные дары / Д. Стил — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-094947-2

Деньги не принесли счастья богатой наследнице Веронике: бывший муж, любовь всей ее жизни, умер, дочери выросли и разлетелись по свету, она одинока и решила, что жизнь ее кончена. Однако случай свел ее с фотографом Эйданом, и эта встреча изменила все, – и Веронике начинает казаться, что для нее еще не все потеряно. Но не призрачны ли надежды Вероники? Ведь они с Эйданом совершенно разные, и выбора матери не принимают даже дочери...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-094947-2

© Стил Д., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даниэла Стил

Драгоценные дары

Danielle Steel
PRECIOUS GIFTS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Danielle Steel, 2015

© Перевод. У. В. Сапцина, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Моим чудесным и любящим детям Бити, Тревору, Тодду, Нику, Сэм, Виктории, Ванессе, Макс и Заре: вы – самые яркие звезды моих небес, моя надежда и мои мечты, мои самые дорогие воспоминания, мой источник любви и радости, вы – мое счастье... и моя жизнь.

Со всей душой и любовью, мама (Д.С.)

И Джону –

за наших чудесных детей, счастливые годы, лучшие годы моей жизни, за воспоминания, которыми я буду дорожить вечно, и за многочисленные дары.

Со всей моей любовью, Олив

Глава 1

Тимми Паркер сидела за письменным столом, подложив под себя ногу. В разгар утренней суматохи она перехватила резинкой длинные светлые волосы, и к полудню в них уже были заткнуты четыре карандаша и ручка. На Тимми были наброшенная поверх майки чистая, но мятая клетчатая рубашка с закатанными рукавами, рваные джинсы и высокие конверсы. И ни следа макияжа. Длинное и гибкое стройное тело она унаследовала от отца. Без каблуков ее рост составлял шесть футов, к своим двадцати девяти годам она успела получить в Колумбийском университете диплом магистра в области социальной помощи. И теперь трудилась в фонде, задачей которого было находить бесплатное или недорогое жилье для достойных кандидатов из числа бездомных Нью-Йорка, потому и сидела за своим письменным столом с шести утра, пытаясь наверстать упущенное. На столе горой громоздились папки. Тимми хотелось бы найти жилье для всех нуждающихся до единого, но она знала: если ей повезет и если она не оставит попытки достучаться до госучреждений, пользуясь всеми доступными ей средствами, тогда у одного-двух достойных кандидатов появится жилье. Определением «достойный» в фонде пользовались для обозначения наиболее нуждающихся.

Стоял изнурительно жаркий июльский день, а кондиционер в офисе, как обычно, отказывался работать. Тимми уже поняла: сегодня один из тех дней, когда все идет наперекосяк, и значит, ей предстоит сообщить плохие вести очередным отчаявшимся подопечным. Жесткие разочарования были постоянным элементом ее работы. Она жила в состоянии непрестанного возмущения тем, как несправедливо устроен мир, и насколько неэффективны ее попытки облегчить участь клиентов. Оказанием помощи бездомным она страстно увлеклась еще в юности, и была отзывчивой и преданной своему делу, но вечно негодовала по тому или иному поводу. В юности, встретившись с родными за ужином, она часто раздражалась длинными монологами о социальных проблемах и потратила уже немало лет на попытки хоть что-нибудь изменить. И что самое главное, Тимми Паркер была не из тех, кто легко сдается: она неутомимо трудилась на благо тех, кому служила. Своих подопечных она не бросала даже после того, как для них находилось жилье. Потому что поселившись в малогабаритной муниципальной квартире, они оказывались в изоляции, лишались привычной системы помощи, на которую полагались, пока бродяжничали, и тогда угроза одиночества, отчаяния и суицида вставала перед ними в полный рост.

Тимми переполняли идеи о том, как сделать работу фонда более эффективной, но на их осуществление вечно не хватало ни денег, ни рабочих рук. В условиях экономического кризиса программы по преодолению бедности сокращали, средства частных фондов таяли на глазах, а правительство об этом и слушать не желало. Порой Тимми казалось, что она пытается вычерпать океан наперстком, особенно когда видела, как ускользают, словно песок между пальцев, люди, зря прождавшие больше года мест в бесплатной программе лечения от наркомании или в очереди на жилье. Женщинам на улицах жилось тяжелее, чем мужчинам, и они же чаще становились жертвами насилия в приютах. Ежедневно перед глазами Тимми проходила масса бюрократической макулатуры, которую она прилежно заполняла, пытаясь выбить нуждающимся пособие по инвалидности или помогая получить удостоверение личности. Подростки вызывали у нее особенно острое сочувствие, но с другой стороны, их было легче пристроить в какую-нибудь городскую молодежную программу, вдобавок они проявляли больше изобретательности, если приходилось выживать на улице. В этот день до полудня Тимми уже успела встретиться с шестью клиентами, и на послеобеденное время у нее было запланировано вдвое больше встреч. Она редко покидала офис раньше восьми-девяти

часов вечера, а иногда засиживалась и до полуночи, и постоянно являлась на свое место задолго до начала рабочего дня. Работа была ее жизнью, и ни о чем другом она не мечтала.

Учась в аспирантуре, Тимми жила с парнем, который изменил ей с ее лучшей подругой. Потом была помолвлена с другим, который тоже изменял ей, но, к счастью, с незнакомой ей женщиной. Тимми порвала и с ним, с тех пор отдавала всю свою любовь, страсть и силы только работе и последние два года ни с кем не встречалась. Она часто повторяла, что женщины в ее семье несчастливы в любви. Ее младшая сестра Джульетта питала неизменную слабость к неудачникам. Они усаживались к ней на шею, пользуясь ее мягкостью и добротой, вытягивали из нее все, что могли, и в конце концов бросали ради другой. И удивлялась этому лишь сама Джульетта, которая вначале месяцами оплакивала потерю, а потом находила новую любовь, ничем не лучше прежней.

Мать сестер, Вероника, все двадцать лет после развода продолжала любить и поддерживать их отца, обаятельного красавца и опять-таки изменника. Она узнала, что муж изменял ей на протяжении всех лет брака, последней его пассией стала двадцатитрехлетняя супермодель. Он и после развода не перестал менять юных красоток, как перчатки, а Вероника не уставала оправдывать его, объясняя дочерям, что «такой уж он человек, ваш отец». Тимми слишком хорошо знала, что представляет собой их отец, и пришла к выводу, что все мужчины одинаковы: обаятельные и зачастую симпатичные, они крайне редко оказываются честными, и обычно изменяют женщинам, лгут им и используют их. По этой причине Тимми никогда не была дружна с отцом, и ужаснулась, когда обнаружила, что ее мужчины ведут себя в точности как он, хоть он и превосходит их обаянием и внешностью, и вдобавок в совершенстве владеет искусством обольщения. Немногим женщинам удавалось не поддаться его чарам. Ему не составило бы труда уговорить даже птицу спуститься с дерева, и за это Тимми ненавидела отца. Она терпеть не могла обаятельных обольстителей, а мать и сестра упрекали ее за то, что ненависть Тимми распространяется на всех мужчин без разбору. «Не на всех, – возражала она, – только на изменников и лжецов». Но к ней, увы, тянулись именно такие. И она сразу начинала подозревать неладное, как только кто-нибудь пытался ухаживать за ней.

Только младшая сестра Тимми, Джой, избежала общей участи. Она всегда считалась любимицей отца, потому что была красива и поразительно похожа на мать, сохранившую красоту даже в ее пятьдесят два года. У Джой, как и у Вероники, волосы были густыми и темными, кожа – белой и гладкой, как фарфор, глаза – оттенка фиалок, только Джой выросла выше матери ростом и, учась в колледже, подрабатывала моделью. С тех пор, как она научилась говорить, ей легко удавалось обводить отца вокруг пальчика и добиваться от него всего, чего ей хотелось, а остальных членов семьи она держала на расстоянии. Джой старательно оберегала свою независимость и сторонилась не только родных, но и мужчин, и нетрудно было догадаться, что она боится сердечных ран. Если у нее и завязывались отношения, то с мужчинами, живущими на другом конце страны или так же поглощенными своей карьерой, как и сама Джой, – словом, с теми, с кем было легко избежать сближения. Ею восхищались, ее обожали, но по-настоящему близких друзей у нее не было.

Тимми часто подчеркивала, что никто из них, троих сестер, не состоял в длительных и прочных отношениях, и приписывала это обстоятельство «семейному проклятию». Она считала, что отец обрек их на роковое влечение к мужчинам, не заслуживающим доверия. Эту черту своей природы она так и не смогла изменить и больше не предпринимала попыток. Ей и без того хватало забот, и поискам жилья для своих подопечных она придавала гораздо больше значения, чем знакомству с женщиной.

В промежутке между визитами клиентов на столе Тимми настойчиво зазвонил телефон, а ей пора было принять очередного посетителя. Она уже подумывала переключиться на голосовую почту, но, поскольку не хотела пропустить звонок какого-нибудь подопечного,

попавшего в беду, или агентства недвижимости из тех, с которыми сегодня утром связывалась по телефону и электронной почте, решила ответить.

– Тимми Паркер, – коротко и официально представилась она. У нее было доброе сердце, о чем свидетельствовала ее работа, но никто не назвал бы ее милой и дружелюбной.

– Привет, Тимми, это Арнольд, – ответили ей, и по спине Тимми пробежал холодок. Голос на другом конце провода она узнала моментально. Арнольд Сэндс был адвокатом и близким другом ее отца, Тимми знала его с детства. Весь прошлый год отец тяжело болел, никак не мог оправиться после инсульта и был помещен в дом престарелых. Две недели назад, когда Тимми навещала его, он то приходил в себя, то снова впадал в беспамятство, а она молча смотрела на него и держала за руку. Левую сторону его тела парализовало, он, казалось, уменьшился в размерах, и было нестерпимо больно видеть его таким. Всю жизнь он был полон сил, бодр и весел, и выглядел гораздо моложе своих лет, пока с ним не случился инсульт. Весь прошлый год он постепенно старел до своих восьмидесяти. Тимми долгие годы не одобряла поступки отца, но все равно ее утешала мысль, что он у нее есть, вдобавок она втайне надеялась, что когда-нибудь все изменится, их отношения наладятся, и он, как по волшебству, превратится в человека, которому Тимми могла бы доверять. Поддержки от него никогда не видели ни сама Тимми, ни ее мать, ни ее сестры. Но мать простила его за это, а Тимми так и не смогла.

– Ты извини, что звоню тебе на работу, – Арнольд говорил серьезным тоном, и Тимми сразу поняла, что услышит дальше.

– Папа?..

– Прошлой ночью он тихо угас.

Все они знали, что это неизбежно, но не думали, что это надолго затянется. Джульетта навещала отца несколько раз в неделю, Джой последние два месяца не виделась с ним – она жила в Лос-Анджелесе, была занята, и, кажется, ей было просто невыносимо видеть его в таком состоянии. Поэтому она и делала все возможное, чтобы избежать визитов. Тимми ездила проведать отца каждые несколько недель, хоть эти поездки давались ей нелегко. Их мать виделась с бывшим мужем месяц назад, в июне, перед отъездом на юг Франции, где она сняла на два месяца дом возле Сен-Тропе. Прежде чем уехать, она провела весь день с Полом, а потом призналась Тимми, что, кажется, видела его в последний раз, но, к счастью, успела сказать ему все, что хотела. Вероника умолчала лишь о том, что Пол просил у нее прощения за то, что был никудышным мужем и даже другом, и она уехала успокоенная. В сущности, она смирилась еще много лет назад. Двадцать лет, прошедших после развода, – немалый срок, а Вероника не была злопамятной. Она не держала обиды ни на то, что ее брак распался, ни на причины, по которым это произошло, ни даже на то, что ей пришлось выплатить бывшему мужу огромные отступные, которые он с тех пор проматывал на других женщин, собственные дорогостоящие привычки и избыточную роскошь. Эти выплаты не ухудшили финансовое положение Вероники и ее дочерей. Мать обеспечивала их, отец – никогда.

– Мама уже знает? – тихо спросила Тимми. Этого известия она ждала и знала, что рано или поздно получит его, но не думала, что именно в этот день. Предсказать, когда все будет кончено, в точности не смог бы никто.

– Я решил сообщить тебе первой. Не знаю, захочешь ли ты сама связаться с матерью и сестрами. Возможно, она пожелает сама все уладить, – отчетливо выговорил он.

После развода с Вероникой, с которой отец сохранил дружеские отношения, в его жизни постоянных женщин больше не появлялось. Зато сменилась целая вереница девушек, в том числе моложе его дочерей, но все они разбежались сразу же, как он заболел. Пол не встречался с женщинами, способными оказать поддержку в трудную минуту, когда он был уже не в состоянии выписывать им чеки. Но вплоть до восьмидесяти лет его личная жизнь

была бурной, и женщины по-прежнему теряли от него голову, как Вероника, когда ей был двадцать один год, а ему – сорок девять. Устоять против его красоты, обаяния и изысканности было почти невозможно. Даже медсестры в доме престарелых наперебой сплетничали о том, какой он видный мужчина. Тимми унаследовала внешность отца, но больше ничем не походила на него: она выросла серьезной, верной, трудолюбивой и надежной.

– Я позвоню маме часа через два, – деловито решила Тимми. – Сначала мне надо встретиться с двумя клиентами. Вы сможете позвонить моим сестрам? Они ожидают этого известия, так что оно не застанет их врасплох.

Но себе она призналась, что ей невыносимо грустно. Отца, который, в сущности, никогда и не был им отцом, не стало. Тимми поймала себя на мысли о том, что испытывает к случившемуся смешанные чувства, в том числе и боль утраты, которую, как она знала наверняка, ощутят и ее сестры. Их матери придется нелегко. Хоть отец и был главой семьи лишь формально, Вероника любила его на протяжении тридцати одного года – как мужа, брата, друга. В последние годы он почти заменил бывшей жене отца, и в самом деле по возрасту годился ей в отцы. А она питала к нему явно материнские чувства, особенно с тех пор, как он заболел. Отношения родителей Тимми так и не сумела понять. Они казались ей мучительно-неуместными, особенно для матери, но родители, по-видимому, ничего не имели против.

Им было тяжело, когда откровенный роман Пола со знаменитой моделью положил конец его браку с Вероникой. Потом стало еще хуже – когда Вероника узнала, что роман с моделью у ее мужа был не первым. Но после развода она почему-то простила его, они стали друзьями, и эти дружеские узы оказались гораздо прочнее брачных. Вероника говорила, что пошла на это ради детей. Но Тимми всегда казалось, что родители продолжали общаться только потому, что испытывали потребность друг в друге.

– Я предупрежу твоих сестер, чтобы не звонили матери, пока не получат известие от тебя, – со вздохом произнес Арнольд. Он знал, что будет скучать по давнему другу, как скучал весь прошлый год, с тех пор, как после инсульта Пол остался инвалидом, вдруг постарел и перестал быть похожим на прежнего себя.

– Спасибо, Арнольд, – тихо сказала Тимми. – Буду держать тебя в курсе.

Повесив трубку, некоторое время она сидела неподвижно, глядя в окно на унылую улицу нижнего Гарлема, где находился офис фонда. Возле пожарной колонки играли дети. Мысленно Тимми вернулась в прошлое, вспомнила, как в детстве считала отца кумиром – до того самого дня, когда после развода он, в сущности, исчез из ее жизни.

Когда родители развелись, ей было девять. Памятные моменты случались и потом – во время каникул и эпизодических, но всегда эффектных появлений отца на днях рождения или праздновании Рождества. Он казался прекрасной птицей в полете, во всем великолепии оперения. Поймать его было немыслимо – разве что полюбоваться им мельком, прежде чем он вновь скроется из виду, и невозможно будет предугадать, когда ему заблагорассудится появиться вновь. Он был воплощением нарциссизма, при этом неплохим, вот только предельно эгоцентричным человеком и никудышным отцом. За его грехи пришлось расплачиваться детям: Тимми – глубоко укоренившимся недоверием к мужчинам, похожим на отца, и вместе с тем – подсознательным влечением к мужчинам того же типа, Джульетте – тем, что она всякий раз влюблялась в неудачников и потребителей, а Джой – боязнью разочарований и того, что ее бросят, из-за чего она избегала какой бы то ни было привязанности. Впрочем, Джой была еще очень молода и вполне могла измениться. А Тимми уже убедилась, что с ней самой и Джульеттой это вряд ли произойдет. Жребий брошен, их привычки и убеждения уже устоялись. Теперь меняться будет слишком трудно.

Тимми поднялась и обошла вокруг стола, чтобы открыть дверь кабинета. В приемной ждали встречи с ней двое посетителей. Тимми улыбнулась обоим, попросила мужчину

немного подождать, а женщину пригласила войти. Посетительница была моложе Тимми, со свалывшимися, как войлок, волосами и без зубов. На улицах она жила уже три года и с давних пор имела дело с наркотиками. Трех ее детей воспитывали приемные родители, все имущество посетительницы было у нее при себе – грязный спальный мешок и два пакета для мусора, набитых одеждой. Она дожидалась, когда освободится место для участия в программе лечения от наркомании, но Тимми нечем было порадовать ее. Работу по программе прекратили, и теперь посетительнице предстояло начинать все заново где-нибудь в другом месте – вставать в самый хвост очереди и ждать еще года два. Положение казалось безнадежным.

Тимми села за стол и принялась объяснять посетительнице, как обстоит дело. При этом она думала об отце и о том, какой нелепой, эгоистично и впустую потраченной выглядит его жизнь в сравнении с жизнью ее клиентов. Он ни разу пальцем о палец не ударил ради другого человека – кроме, пожалуй, женщин, с которыми встречался, да и то недолго, и самого себя. Он вел жизнь законченного сибарита, потакал всем своим желаниям, и отчасти именно поэтому Тимми работала так усердно. Повзрослев, она отчетливо осознала, что ни в коем случае не хочет стать хоть чем-нибудь похожей на отца. Так и получилось, и вот теперь ее отца не стало... Она вновь сосредоточилась мыслями на посетительнице и попыталась забыть об отце хотя бы на час-другой, пока не придет время позвонить маме и сообщать, что Пол умер. Тимми, как старшей из трех дочерей Вероники, всегда доставались самые трудные задачи: Джульетта ни за что не справилась бы с ними, а Джой отказывалась даже пытаться, поселившись вдали от родных в Лос-Анджелесе.

Звонок Арнольда застал Джульетту в ее маленькой булочной, расположенной в Парк-Слоуп – одном из районов Бруклина. Ежедневный обеденный наплыв посетителей был в разгаре. Булочная «Кухня Джульетты», в которой, кроме выпечки, продавались и сэндвичи, пользовалась популярностью все три года, прошедших с момента ее открытия. По настоянию матери Джульетта специализировалась на истории искусств и получила диплом магистра в Сорбонне – только чтобы обнаружить некоторое время спустя, посещая исключительно ради развлечения высшие кулинарные курсы «Кордон Блю», что выпечка – ее страсть. Она готовила сэндвичи и каждый день пекла бесподобные круассаны, продавала печенье, кексы, пирожки, приготовленные по рецептам, собственноручно собранным ею во Франции. Все планы Джульетты стать хранителем в музее или преподавателем оказались забытыми напрочь после кулинарных курсов. Только на кухне она чувствовала себя настоящим счастливым – заглядывая в духовку, подавая кружку дымящегося кофе пожилому посетителю, наливая горячий шоколад со взбитыми сливками малышу. Только здесь она могла удовлетворить свою потребность опекать и кормить людей, и потому ее скромная булочная процветала. После долгих споров и тщательных размышлений мать одолжила Джульетте денег на открытие своего дела, хоть и сожалела о заброшенной карьере искусствоведа. Вероника надеялась, что когда-нибудь Джульетта перерастет свое увлечение выпечкой. А пока, в свои двадцать восемь лет, Джульетта все еще была слишком юной. Вероника желала ей более интересной и интеллектуальной карьеры, чем работа в маленькой булочной, ей всегда нравилось думать, что Джульетта унаследовала тягу к искусству от нее и от своего деда, отца Вероники, заполучила ее генетическим путем. А Джульетта отказалась от искусства ради круассанов. Но как бы там ни было, мать помогла ей с кредитом.

Джульетта казалась более миниатюрной и нежной версией ее старшей сестры Тимми. Разница в возрасте между ними составляла всего один год, они росли как близнецы, но по характеру отличались, как день и ночь. И Тимми, и Джульетте достались отцовские зеленые глаза, Джульетта с детства была чуть полноватой, но миловидной. В отличие от рослой и тонкой Тимми, невысокая Джульетта обладала женственной округлостью форм и продол-

жала полнеть, поскольку первой пробовала все свои кулинарные шедевры. Как и у Тимми, волосы Джульетты были светлыми, но в детстве они ниспадали длинными, закрученными штопором локонами, и теперь все еще оставались волнистыми. Густые белокурые волосы особенно красили Джульетту, когда она распускала их, но за работой она не могла себе этого позволить и заплетала косу. Выбившиеся из нее пушистые кудряшки окружали ее лицо нежным ореолом. Все в Джульетте было милым и приятным, еще с детства она отличалась материнской заботливостью, стремилась всех опекать. Тимми часто повторяла, что Джульетта готова собрать под свое крыло всех незадачливых бедолаг мира, особенно мужчин.

Все романы Джульетты начинались потому, что мужчинам, с которыми она знакомилась, требовалась крыша над головой, деньги или работа. Поначалу они спали у нее в гостиной на диване, потом оказывались в ее постели, в конце концов добирались до ее банковского счета, которым некоторое время пользовались при поддержке и одобрении Джульетты, а потом, избалованные ее заботами, бросали ее ради других женщин. По мнению Тимми, одна и та же история повторялась слишком часто, чтобы считаться случайностью – скорее, она походила на закономерность или скверную привычку. Джульетта всегда ухитрялась отыскать видных мужчин, похожих на ее отца и без зазрения совести пользующихся ею. Среди них ни разу не попало ни одного мало-мальски порядочного, обычно они усаживались ей на шею примерно на полгода, а затем бросали. Джульетта поначалу плакала, потом находила утешение в работе, придумывала несколько новых рецептов и набирала еще пару фунтов веса. Затем появлялся новый «птенчик с перебитым крылом» – мужчина в стесненных обстоятельствах. На милость Джульетты они слетались, как мухи на мед, поэтому ей не приходилось подолгу быть одной, – в отличие от Тимми, которая ни с кем не встречалась уже два года, приняв это решение и сердясь на себя за прежние просчеты. Джульетта же была готова простить любого, в том числе и себя, и, похоже, просто не умела учиться на ошибках. Единственной жертвой ее неудачных романов становилась лишь она сама. Самой яркой чертой ее характера была доброта ко всем окружающим – к ее покупателям, ее родным и ее мужчинам.

Она как раз заканчивала обслуживать одного из постоянных покупателей, когда позвонил Арнольд. Он знал, что в отличие от практичной Тимми, которую ничто не может выбить из колеи, Джульетта будет потрясена, потому и не хотел сообщать ей трагическую весть. Как и следовало ожидать, едва услышав, что ее отец скончался предыдущей ночью, Джульетта разрыдалась. К счастью, обеденный перерыв уже закончился, последний покупатель ушел, и на некоторое время она осталась в булочной одна.

Джульетта считала, что у нее сохранились наиболее близкие отношения с отцом, поскольку она была готова на все, лишь бы добиться его любви. По ее мнению, он был непогрешим. Еще до болезни она звонила ему каждый день, рассказывала о своей жизни, расспрашивала, как у него дела. В ее булочной отец побывал лишь однажды, но она делала вид, будто бы он заходит к ней постоянно. Она не задумывалась о том, что инициатором ежедневных телефонных разговоров с отцом всегда выступала она сама. Он не звонил никому из дочерей и порой неделями и месяцами от него не было никаких известий, пока дочери сами не звонили ему. Все отношения, в которых состоял Пол, были односторонними, старания в них прилагал не он, а другие. Тимми и Джой не тратили на это силы, а Джульетта продолжала упорствовать. Она даже привозила отцу домой свежую выпечку, чтобы он оценил ее новые рецепты. В ее попытках заслужить одобрение отца сквозило отчаяние.

А Пол Паркер и не думал никого осуждать – напротив, гордился своими дочерьми-красавицами. Просто не желал играть роль отца со всем, что принято понимать под этим словом. Дочери выросли, и он предпочитал общаться с ними, как друг. Такой путаницы ролей с их матерью никогда не происходило: все дочери знали, что она им мать, а не подруга, хоть им и нравилось общаться с ней. Именно Вероника несла всю полноту ответственности

за воспитание девочек, но Джульетта все-таки утверждала, что она близка с отцом. Как и предвидел Арнольд, она тяжело перенесла известие о смерти отца, словно и не замечала весь минувший год, что он стремительно угасает.

– А я думала, он выкарабкается... – всхлипнула она, вытирая глаза передником, и Арнольд вздохнул. Надежды на выздоровление Пола не было ни малейшей, долгие месяцы его состояние лишь ухудшалось. Но даже в последние недели, когда он почти не приходил в себя, Джульетта, навещая отца, разговаривала с ним, убежденная, что он ее слышит и обязательно поправится. Но этого не произошло, и Арнольд втайне считал смерть Пола удачным и милосердным исходом. Тот Пол, которого он знал и с которым дружил на протяжении тридцати лет, не захотел бы такой жизни. Арнольд печалился, глядя на него, еще недавно такого энергичного и полного сил, а теперь совсем беспомощного. Уход из жизни стал для Пола благом, и в разговорах, которые они с Арнольдом не раз вели за последний год, выяснилось, что Пол готов к смерти и не жалеет о том, что жизнь кончена. Но Джульетта не была готова отпустить отца – или расстаться со своими иллюзиями на его счет. Через двадцать минут, когда Арнольд уже заканчивал разговор, она по-прежнему плакала.

– Тимми обещала позвонить вашей матери через пару часов, так что пока не звони ей, – предупредил Арнольд.

– Не буду, – послушно ответила Джульетта, повесила трубку, бросилась к двери булочной и перевернула табличку «Открыто» обратной стороной. Наскоро написав объявление «Закрыто в связи со смертью родственника», она приклеила его скотчем к двери и ушла домой, в квартиру с одной спальней, на расстоянии четырех кварталов от булочной. Джульетта никогда не уделяла особого внимания обстановке своего дома: здесь она разве что спала, а все остальное время проводила на работе. Каждый день она приходила в булочную в четыре часа утра, готовила выпечку к завтраку для первых покупателей, обычно являвшихся к шести, простаивала за прилавком до семи часов вечера, потом возвращалась домой и несколько часов дремала перед телевизором, утомленная долгим днем. Как и у Тимми, вся ее жизнь вращалась вокруг работы.

Когда днем Джульетта вернулась домой, Арнольд уже звонил ее младшей сестре Джой. Дозвониться до нее было труднее, как он и предвидел: Джой вела совсем другую жизнь, нежели сестры. В Лос-Анджелесе она строила актерскую карьеру. У нее обнаружили большие способности к музыке, и мать уговаривала ее поступать в Джульярдскую школу, чтобы развить их. Но вместо этого Джой при первой же возможности бросила колледж и уехала в Лос-Анджелес. Она брала уроки вокала, которые оплачивала сама, работая официанткой, а когда полгода выступлений с одной музыкальной группой не дали никаких результатов, переключилась на уроки актерского мастерства и с тех пор не бросала их. Джой снялась в нескольких невзрачных рекламных роликах и эпизодических ролях на телевидении, и со временем рассчитывала на роль в сериале – ей особенно удавались комедийные роли. В свои двадцать шесть лет, спустя пять лет после переезда в Лос-Анджелес, она по-прежнему работала официанткой. Ее звездный час был еще впереди, и она верила, что он обязательно наступит. И отец тоже верил в это, и всегда подбадривал ее.

Джой отличалась редкой красотой: длинные темные волосы, огромные фиалковые глаза, точеная фигурка, и вдобавок голос настоящей певицы, хоть пела она теперь нечасто. Она охотно бралась за любую актерскую работу, какую только могла найти, ходила на все прослушивания и была готова вынести все трудности жизни начинающей актрисы. И не сомневалась, что когда-нибудь сделает блестящую карьеру. Сестрам она говорила, что если в Лос-Анджелесе не добьется успеха к тому времени, как ей исполнится тридцать, то попробует себя в Нью-Йорке, в каком-нибудь внебродвейском театре. А пока она не была готова ставить крест на эпизодических ролях в популярных сериалах, хоть ее заветной целью был Голливуд. Джой снялась в нескольких «мыльных операх», которые пускали в эфир в дневное

время, но еще ни разу ей не доставались главные роли. Вероника смотрела дочь по телевизору, осталась довольна, но сетовала, что роли Джой слишком уж малы.

У Джой был парень, тоже актер. Он состоял в труппе, гастролирующей с посредственными постановками, и дома, в Лос-Анджелесе, появлялся редко. Джой почти не виделась с ним – впрочем, как и с другими мужчинами, которые появлялись в ее жизни. Она всегда выбирала тех, кто оставался недоступным эмоционально и далеким от нее физически. За последние пять лет, проведенных в Лос-Анджелесе, Джой отдалилась от родных. Ее жизнь была совершенно непохожа на жизнь ее сестер, между ними оставалось все меньше общего, Джой даже внешне заметно отличалась от них. Порой ей казалось, что ее подменили при рождении и что своим близким она не родная. И хотя отец всегда носился с ней, как курица с яйцом, в основном потому, что она была хорошенькой малышкой, Джой находила у себя мало общего с ним. Ее миловидность льстила его самолюбию, но Джой всегда подозревала, что на самом деле отец понятия не имеет, какой она человек, и не пытается понять.

В отношениях Джой с матерью давно возникли трения. Вероника по-прежнему расстраивалась из-за того, что Джой бросила колледж, но еще больше ее огорчал образ жизни, который вела младшая дочь, работая официанткой гораздо чаще, чем снимаясь в сериалах. Совсем не такой участи желала для нее Вероника. Джой была способна на большее, но зашла в тупик, и оставалось лишь надеяться, что она одумается и вернется в Нью-Йорк. По этому вопросу родители Джой никак не могли прийти к согласию, между ними вечно вспыхивали споры. Отец отмахивался: «Да пусть себе развлекается!», и, в сущности, не беспокоился о младшей дочери, а мать тревожилась за нее не на шутку. Старшие сестры не принимали Джой всерьез. Им казалось маловероятным, что она станет голливудской актрисой, к ее актерству они относились как к игре.

Но несмотря на все доводы родителей, Джой занималась делом, которое выбрала сама, ни у кого не просила помощи, зарабатывая вполне достаточно. Она мечтала найти приличного агента и менеджера получше, но пока не встретила подходящих кандидатов. Эта задача требовала времени. Ей нравилась выбранная работа, посвященные ей годы не казались потраченными напрасно. А время шло. Джой подыскала квартиру в Западном Голливуде, которая ей нравилась и была по карману. Звонок Арнольда застал ее на кастинге актеров для рекламного ролика. Видя, как тяжело болен отец, Джой понимала, к чему все идет, просто не ожидала услышать горестное известие именно сегодня. Очередь Джой на прослушивание была еще не скоро, и она вышла в коридор, чтобы поговорить с Арнольдом.

– А-а... – вырвалось у нее, когда Арнольд сообщил печальную весть, и оба умолкли. Джой не знала, что еще сказать. Как у ее сестер, у нее было связано с отцом немало разочарований, хотя она никогда не спорила и не ссорилась с ним. Однако Джой всегда испытывала странное чувство, когда отец называл ее своей любимицей открыто, в присутствии сестер: наедине с ней он об этом даже не заговаривал. Отец вообще ни с кем не вел задушевные разговоры. Поэтому Джой не верилось, что она и вправду его любимица, – просто ему почему-то нравились эти слова. Но несмотря ни на что, известие Арнольда глубоко опечалило ее: все-таки он приходился ей отцом, хоть и неважно справлялся с родительскими обязанностями.

– Как ты? Ничего? – спросил Арнольд, когда пауза затянулась.

– Да... наверное, просто не ожидала. Не думала, что это произойдет так скоро, – последние два месяца Джой не виделась с отцом, поэтому в отличие от сестер не знала, что он стремительно угасает. – Вы не знаете, когда похороны?

– Похоронами занимается Тимми. Она собирается позвонить вашей матери часа через два. А потом, наверное, родные свяжутся с тобой, – и Арнольд просто добавил: – Мне очень жаль, Джой. Все мы знаем, как он любил тебя. Ты всегда была папиной дочкой.

Джой кивнула, на ее глаза навернулись слезы.

– Знаю, – сдавленным голосом откликнулась она, внезапно ошеломленная мыслью, что отца больше нет. Как бы там ни было, он всегда одобрял ее актерскую карьеру и мечты стать звездой – в отличие от остальных близких, которые держались так, словно ее актерство – болезнь, которой она должна переболеть и забыть навсегда. Отец был ее самым увлеченным поклонником, она отправляла ему диски с записями всех своих ролей. И он утверждал, что с удовольствием посмотрел их все, хоть Джой и не знала, правда это или нет. Кроме отца, больше никто не хвалил ее работу.

– Увидимся на похоронах, – сочувственным тоном произнес Арнольд, и она вернулась в очередь актеров, ждущих прослушивания. Роль ей не досталась. Оцепенев, она думала лишь об отце. Внезапно утрата показалась ей ни с чем не сравнимой. Джой не ожидала, что смерть отца станет для нее таким ударом.

Днем она отправила эсэмэски обеим сестрам, и спросила у Тимми, можно ли остановиться у нее. И сразу же решила отправиться в Нью-Йорк ночным рейсом. Ей хотелось домой. Тимми ответила сразу же, приглашая к себе. Тимми жила в Вест-Виллидж, откуда было неудобно добираться до работы, но ей нравился этот старый район бывших скотобоен, а квартира с фиксированной арендной платой хоть и располагалась на третьем этаже дома без лифта, но была светлой и обладала своим шармом. Джой любила бывать у Тимми больше, чем в крохотной квартирке Джульетты в Бруклине, к тому же Тимми жила ближе к центру. Можно было остановиться и у матери, но у Тимми Джой чувствовала себя свободнее – там никто не высказывал мнение насчет ее жизни, вдобавок разочарованный взгляд матери ранил сильнее слов. То, что Джой работает официанткой, расстраивало Веронику гораздо сильнее ее попыток стать актрисой, и эта тема неизменно всплывала в разговорах. Джой, как младшая в семье, порой не могла избавиться от ощущения, что с ней обращаются, будто ей четырнадцать лет, а не двадцать шесть. Теперь ей предстояло встретиться со всеми близкими сразу, и было странно думать, что отец больше не будет петь ей дифирамбы и звать ее деткой. Джой вдруг поняла, что не может представить себе мир, в котором нет отца, и слезы струились по ее щекам все время, пока она звонила в авиакомпанию и бронировала билет.

Проводив последнего посетителя, Тимми позвонила матери. На часах было уже четыре, но ей не хотелось звонить в спешке, зная, что ее ждут люди, едва выдерживающие бремя своих проблем. Взглянув на часы, Тимми сообразила, что во Франции уже десять вечера. Она терпеть не могла сообщать плохие новости в конце дня, зная, что в такое время они оставляют наиболее гнетущее впечатление, вынуждая всю ночь лежать без сна, погружившись в тягостные мысли. Но выбора у нее не было: это известие не могло подождать до следующего утра. Тимми не могла допустить, чтобы ее мать узнала о смерти бывшего мужа от незнакомых людей, если она вдруг решит позвонить в дом престарелых и узнать, как у него дела, как она иногда делала. Поэтому Тимми собралась с духом и позвонила Веронике в Сен-Тропе. Мать ответила после второго сигнала. Они не созванивались несколько дней, но вечерний звонок Тимми Веронику не удивил.

– Привет, дорогая, – голос матери звучал молодо, как всегда. Родители Тимми всегда казались моложе своих лет, и она надеялась, что унаследовала эту их особенность. Правда, Тимми чувствовала себя в точности на свой возраст, а иногда и старше, словно несла всю тяжесть мира на своих плечах, особенно сейчас, когда звонила матери, чтобы сообщить горестную весть.

Тимми могла себе представить, как ужаснется мать, узнав о смерти мужа, хоть развелись они давным-давно. У Вероники не было родных, кроме Пола и детей. Ее мать умерла, когда ей минуло пятнадцать, отец – когда ей исполнился двадцать один год, потому она и вышла за Пола такой молодой, через год после того, как потеряла отца и осталась совсем одна, испуганная и беспомощная, несмотря на унаследованное от родителей крупное состо-

яние. Это богатство и притянуло Пола, как магнит, когда они только познакомились, вдобавок его обладательница оказалась совсем юной и наивной красавицей.

– Привет, мама, – произнесла Тимми. – У меня плохие вести, – ей хотелось хоть немного подготовить мать к удару.

– Отец? – спросила Вероника, едва дыша и уже зная, что услышит. Она предчувствовала этот день, еще когда виделась с Полом в июне, и он тоже знал, что они видятся в последний раз. В тот день их переполняла любовь друг к другу.

– Мне звонил Арнольд. Отец умер прошлой ночью – как сказал Арнольд, спокойно, во сне, – на другом конце линии сначала было тихо, затем мать заплакала. Смерть бывшего мужа действительно стала для нее огромной потерей. Ведь они, в сущности, не расставались – просто он играл в ее жизни роль уже не мужа, а старшего брата, отца и друга.

– Как я тебе сочувствую, – всхлипнула Вероника, которая хорошо помнила, что значит лишиться отца. Сердце отца Вероники было разбито, когда ее мать умерла от лейкемии, от этого удара он так и не оправился. Отец Вероники, американец, входил в число ведущих финансистов Уолл-стрит; ее мать, француженка, была на тридцать пять лет моложе его. Он никак не ожидал, что потеряет ее, она была любовью всей его жизни и умерла совсем молодой. Болезнь протекала стремительно и убила ее всего за три месяца. Мари-Лаура де Бове вышла замуж за Филиппа Уитмена почти такой же молодой, как Вероника на момент ее замужества с Полом Паркером.

Вместе с родителями Вероника успела пожить в разных городах всего мира – Гонконге, Лондоне, Париже. В детстве она научилась китайскому, бегло говорила по-французски – благодаря матери-француженке и длительным пребываниям в Париже. С недавних пор французские корни Вероники настойчиво напоминали о себе, она проводила все больше времени в Париже, а на лето сняла дом на юге Франции и надеялась зазвать к себе дочерей хотя бы на несколько недель, но в этом году оказалось, что все трое слишком заняты, поэтому им не до путешествий. Несколькими годами ранее Вероника приобрела квартиру на острове Сен-Луи – в доме на Бетюнской набережной, с окнами, выходящими на Сену. Дом ее родителей в седьмом арондисмане, на улице Варенн, по-прежнему принадлежал Веронике, но там уже много лет никто не жил, только смотритель приходил наводить порядок и делать ремонт. Этот особняк восемнадцатого века выглядел внушительно, Веронике не хотелось расставаться с ним, но и приходиться туда было слишком грустно. Ее родной дом хранил множество воспоминаний. Вероника и Пол часто гостили в нем в первые годы после женитьбы, но за последние двадцать лет, с момента развода, Вероника не провела в своем парижском доме ни единой ночи. Продавать его не было особой необходимости, поэтому она берегла его для дочерей.

Дед Вероники с материнской стороны был одним из самых уважаемых галеристов Парижа; ее отец, Филипп Уитмен, приобрел у него почти все его полотна импрессионистов, а затем и женился на его дочери. Брак родителей Вероники вызывал удивление тридцатипятилетней разницей в возрасте между ними, однако они всем сердцем любили друг друга, и у Вероники сохранилось множество воспоминаний о родителях, в окружении нежной и пылкой любви которых она росла.

После смерти родителей Вероника унаследовала не только принадлежавшую матери внушительную коллекцию живописи, в том числе несколько редчайших полотен, но и огромное, с умом вложенное и постоянно растущее состояние отца. В возрасте двадцати одного года, совсем юная и одинокая, Вероника разрывалась на два дома – в Нью-Йорке и в Париже. Парижский дом Мари-Лаура унаследовала от отца и не решилась продать.

Через несколько месяцев после смерти отца Вероника познакомилась с Полом Паркером на чьей-то свадьбе. Роман развивался стремительно, и через год, когда Веронике исполнилось двадцать два, они поженились. Она последовала по стопам матери, выбрав в мужья

мужчину намного старше, и в тех обстоятельствах ее решение выглядело правильным. В отце она нуждалась гораздо больше, чем в муже. Женитьба на ней навсегда изменила жизнь Пола Паркера. Он родился в бедной, но аристократической семье, состоявшей в дальнем родстве с Асторами. Полу не составило труда приспособиться к образу жизни Вероники, хотя она всегда держалась более скромно и незаметно, нежели он. Компанейский и колоритный, эlegantный и обаятельный, Пол жил на широкую ногу за счет жены, бросив скучно оплачиваемую работу, которую никогда не любил, и предаваясь праздности в роли мужа. Супруги были счастливы, особенно когда у них появились дети, но счастьем пришел конец, после того как всплыла правда об измене Пола и о том, сколько у него насчитывается романов на стороне. При виде хорошенькой девушки он просто терял контроль над собой. Спустя десять лет брак Пола распался, но Вероника продолжала любить его даже после развода. Тимми подозревала, что мать по-прежнему любит бывшего мужа, хоть Вероника и утверждала, что они с ним просто друзья. Именно поэтому Тимми жалела о том, что не кому-нибудь, а ей пришлось известить мать о смерти Пола.

– Насчет похорон что-нибудь уже известно? – спросила мать, и Тимми призналась, что в тот день у нее не было ни минуты свободной и что тело покойного до сих пор находится в доме престарелых.

– Мне хотелось сначала поговорить с тобой, – объяснила Тимми, зная, что мать захочет сама заняться организацией похорон, поскольку у Пола не было других родственников, кроме нее и дочерей. И Вероника, и Пол росли единственными детьми в семье, поэтому рассчитывать на помощь кузенов или более дальней родни не приходилось.

– Я обо всем позабочусь, – тихо пообещала Вероника. – Завтра же вылетаю домой. А перед вылетом позвоню Фрэнку Кэмпбеллу.

Фрэнку принадлежала похоронная компания в фешенебельном районе на Мэдисон-авеню, именно к нему обращались все знакомые Вероники. Перед вылетом она решила также позвонить своему флористу и разместить некролог в «Нью-Йорк Таймс». Тимми вдруг подумалось: про ее отца почти нечего писать в некрологе – кроме того, что ему легко жилось, главным образом благодаря ее матери, оказавшей ему финансовую поддержку. Вероника подарила ему отпуск, затянувшийся на тридцать лет.

– Я так тебе сочувствую, мама, – искренне произнесла Тимми. Как бы она ни относилась к отцу, она понимала, что мать любила его всем сердцем.

– Ничего, дорогая. Он вряд ли захотел бы продлить такую жизнь. Его время пришло.

Они проговорили еще несколько минут, а когда наконец распрощались, Вероника сразу принялась звонить двум младшим дочерям. Джульетта плакала, сидя у себя дома.

– Завтра я возвращаюсь, – сообщила ей Вероника.

Во Франции уже близилась полночь, разговор затянулся. Джульетта была безутешна, вспоминая, каким прекрасным отцом был Пол. Вероника не спорила с ней, зная, что Джульетта уже не первый год живет в плену иллюзий. Тимми осуждала сестру, а Вероника молчала. Она знала наперечет все недостатки Пола как отца и мужа, но в присутствии дочерей никогда не критиковала его.

Начиная собираться в поездку, она дозвонилась до Джой, голос которой звучал бесстрастно и отрешенно.

– Я вылетаю сегодня ночным рейсом, – сообщила Джой матери.

Джой до сих пор не верилось, что у нее больше нет отца. Известие вызвало глубокий шок, дало ей понять, что она слишком долго отрицала очевидное.

После разговора с Джой Вероника вновь позвонила Тимми. Та все еще находилась в офисе, заполняя десятки бланков заявлений на социальные пособия.

– Совсем забыла: кто-нибудь уже звонил Берти? – волнуясь, спросила Вероника. Так звали сына Пола от первого брака, ему было восемь лет, когда Пол женился на Веронике.

Когда Берти исполнилось четыре, его мать утонула. Вероника относилась к Берти, как к родному сыну, с тех пор, как вышла замуж за его отца, но любить этого ребенка было нелегко. Берти выглядел в точности как его отец, но даже в детстве не обладал его обаянием.

Со временем стало ясно, что Пол женился ради денег. Веронике понадобились годы, чтобы понять это, но несмотря ни на что, он все-таки любил ее. А Берти с самого детства интересовали только деньги, все, какие он мог заполучить. Все, что делал в жизни Пол, носило отпечаток изысканности, элегантности и стиля, а любые поступки Берти производили впечатление притворства и обмана. Его исключили из нескольких лучших школ Нью-Йорка за плохое поведение и воровство, из Дартмутского колледжа он вылетел за мошенничество. После колледжа он испробовал десятки схем быстрого обогащения – неизменно сомнительных и всякий раз заканчивающихся провалом. Теперь, в свои тридцать восемь лет, он вечно был на мели – по его собственным словам, «на грани убийства», и вечно норовил пожить у кого-нибудь в свободной комнате или переночевать на чужом диване. Деньги, полученные от Вероники, он все до последнего цента вложил в безнадежные предприятия, и даже Полу приходилось время от времени давать ему мелкие суммы, чтобы сын удержался на плаву. Берти всегда умудрялся растратить все, что имел, ввязаться в затяжной судебный процесс или потерять работу. Он вечно ходил по самому краю пропасти и еле сводил концы с концами.

Его поведение Вероника всегда объясняла тем, что он в раннем детстве лишился матери. И прилагала все старания, чтобы оказывать ему помощь и поддержку в юности, продолжая относиться к нему как к родному сыну даже после развода. Но несколько лет назад она перестала давать ему деньги: все они уходили в него, как в прорву. Последние два года Вероника не виделась с Берти, о чем не раз сожалела. Обычно он сам разыскивал ее, и то лишь в тех случаях, когда ему было что-нибудь нужно от нее.

Берти неистово завидовал своим сводным сестрам с тех пор, как они родились. В детстве он отбирал у них карманные деньги, хитрил, врал и изворачивался, его алчность быстро росла. Он всякий раз выбирал самый легкий путь из всех возможных. Но какое бы отвращение он ни вызывал, он, как-никак, приходился Полу родным сыном, значит, должен был узнать о смерти отца. Берти никогда не был женат, понятия не имел, есть ли у него дети, но на его руке вечно висела очередная потасканная девица. Тимми он ненавидел больше, чем других сестер, поэтому звонить ему она не хотела. Он не оставлял безуспешных попыток раскрутить ее на деньги, уверяя, что берет займы и всего на несколько недель, но Тимми слишком хорошо знала его и не давала ему ни цента.

Берти упрямо не желал верить, что его сестры сами зарабатывают себе на жизнь, поэтому лишних денег у них нет. Этот урок стремилась преподать им мать. К Берти Вероника проявила гораздо больше щедрости, пытаясь помочь ему встать на ноги, чего он так и не сделал. Однако она не хотела, чтобы девочки привыкли бездельничать или вели себя, как богатые наследницы, какие бы суммы они ни унаследовали от нее в конце концов. После смерти Вероники ее дочерям должно было достаться огромное состояние, а пока они могли рассчитывать лишь на свою зарплату, да на редкую помощь матери – вроде ссуды на булочную Джульетты. Дочерей Вероника воспитывала гораздо строже, чем непутевого пасынка, на которого в конце концов махнула рукой. Он вырос на редкость неприятным человеком, его избегали. Но сейчас уклониться от разговора с Берти было невозможно, и Вероника не собиралась это делать. Да, Берти давно не виделся с отцом, но Пола только что не стало. А Вероника всегда относилась к Берти с большим сочувствием, чем его отец, терпение которого лопнуло еще несколько лет назад, поскольку Берти и не думал прекращать тянуть с него деньги.

Закончив разговор с Тимми, Вероника позвонила Берти по номеру мобильного, который сама же и приобрела специально для него. Они не общались почти год, с тех пор, как с

Полом случился инсульт. Берти не горел желанием навещать больного отца, вечно находил отговорки и уверял, что очень занят.

Берти ответил сразу же, явно не ожидая услышать голос мачехи. Она мягко объяснила, что его отец умер, и извинилась за то, что вынуждена сообщить ему эту весть.

– Ну, это меня не удивило, – холодно отозвался он. – Ты приедешь на похороны?

Этот вопрос изумил ее.

– Разумеется!

Берти не ошибся в своих предположениях: с начала лета она действительно жила во Франции.

– Я в Чикаго, но завтра к вечеру вернусь домой.

– Я позвоню тебе, как только все устрою, – пообещала она. – И конечно, ты сможешь поехать на похороны вместе с нами.

– Спасибо, я на своей машине.

Всем в одной машине им было бы тесно, но Вероника все равно сочла своим долгом предложить помощь Берти. Другой матери он не знал, и она жалела его, хоть он и не был милым ребенком, постоянно лгал и досаждал сестрам. Из-за него девочки то и дело плакали, и теперь между ними не осталось даже дружеских чувств. Все трое поставили на Берти крест. Только Вероника по-прежнему обращалась с ним ласково, хоть и уклонялась от любых просьб о деньгах.

Зная, сколько волнений Берти доставил Полу, она не могла не гадать, завещал ли Пол сыну хоть что-нибудь. Ей он об этом ни словом не обмолвился. У Пола мало что сохранилось, ему самому постоянно не хватало денег, но некоторая часть отступных, которые Вероника уплатила ему при разводе, все же уцелела, хоть остальное и растаяло с поразительной быстротой. Пол не желал жить по средствам, делал широкие жесты и слишком много тратил на женщин. В этом отношении он так и не изменился. Вдобавок Полу все еще принадлежал шато, купленный Вероникой для них двоих во Франции и подаренный ему при разводе. Поначалу Пол всеми силами стремился заполучить шато, а когда заполучил, то сразу потерял к нему интерес, как бывало всегда. Сейчас шато был заперт, и Вероника знала, что Пол не бывал там уже лет десять. Видимо, он завещал его всем четырем своим детям, так что девочкам придется пользоваться шато вместе с Берти – или, скорее, продать и поделить вырученные деньги. Никому из них не нужна такая обуза, как быстро ветшающий французский шато, зато все они только выиграют от его продажи, особенно Берти. Логично, если Берти достанется четверть всего отцовского имущества, даже если все, что имел Пол, он получил от Вероники. Все-таки Берти его сын, каким бы он ни был, так что он вправе претендовать на деньги, которые Вероника отдала Полу.

Закончив разговор с Берти, она легла спать, думая о предстоящих делах и организации похорон. Тимми пообещала помочь ей. Самым странным было осознание, что Пола больше нет. Вероника знала, что будет скучать по нему. С ним было приятно поговорить, порой они прекрасно проводили время даже после того, как развелись. Вероника больше не любила его, ее чувства улетучились давным-давно, и слава богу. Но она по-прежнему считала, что он занимает важное место в ее жизни. Потерять его было нелегко. Вероника уснула, думая о счастливом десятилетии их брака – лучших годах ее жизни. Никто и никогда не сравнится с великолепным Полом Паркером. Таких, как он, больше нет на свете. Несмотря на все его недостатки, в ту ночь его дочери думали о том, сколько у него имелось достоинств. Пол был единственным и неповторимым.

Глава 2

Прилетевшая ночным рейсом из Лос-Анджелеса Джой успела застать Тимми дома. Джой должна была появиться у нее в семь, поэтому Тимми согласилась подождать. Сразу после приземления Джой отправила сестре сообщение, подтвердив, что приедет к назначенному часу. Она была такой же организованной и надежной, как ее старшая сестра, а Джульетта особой педантичностью не отличалась, порой витала в облаках и была самой чувствительной из трех сестер. Накануне вечером Тимми разговаривала с убитой горем Джульеттой, для которой отец из кумира превратился в святого. Услышав это, Тимми испытала раздражение, но постаралась не подавать виду.

Вернувшись вчера вечером с работы, Тимми наскоро набросала текст некролога. Писать об отце было почти нечего, Тимми никогда не проявляла к нему чрезмерной снисходительности. Некролог со словами «удачливый охотник за приданным скончался в Нью-Йорке через год после инсульта» выглядел неуместно. Тимми думала как раз об этом, пока писала, что ее отец закончил Принстонский университет, был женат дважды и все его четверо детей, перечисленных поименно, скорбят об утрате. Его карьера была краткой и бесславной, он выполнял незначительную и ничем не примечательную работу в малоизвестном банке, потом в сфере торговли недвижимостью, пока встреча с матерью Тимми не стала для него неожиданным подарком судьбы. Этим обстоятельствам Вероника не придавала значения, но и не скрывала их от детей. Все состояние, которым располагал Пол, досталось ему от жены. Тимми невыносимо было думать, что он изменял Веронике и в итоге разрушил иллюзии на его счет не только у жены, но и у детей.

Обаятельный красавец Пол приковывал к себе взгляды, входя в любую комнату, был украшением любого застолья, но в жизни не добился ровным счетом ничего, а его пристрастие к молодым хорошеньким пустышкам ничего не привнесло в его жизнь и не прибавило ни строчки в его резюме. Он жил одним днем, стремился лишь к развлечениям, никогда не задумывался ни о будущем, ни о последствиях своих поступков, и таким остался до самого конца. Его последней компаньонкой была юная русская красотка, которая испарилась, едва узнав, что Пол заболел. По крайней мере, им не пришлось иметь с ней дело, с облегчением думала Тимми. Им с лихвой хватит и Берти, который наверняка будет сражаться за каждый цент. Тимми точно знала, что представляет собой Берти, как знали ее мать и сестры, и обычно старалась не вспоминать о нем. В последние годы они почти не виделись, и были рады этому. Берти тоже их избегал, поскольку это общение не сулило ему никакой выгоды. Казалось, он унаследовал только худшие отцовские черты, усиленные многократно и не смягченные никакими достоинствами. Пол сам так говорил.

Открыв дверь, Тимми увидела на пороге заспанную, но по-прежнему удивительно красивую Джой. Она была в короткой белой юбке и футболке, и даже в сандалиях без каблука не уступала ростом Тимми, но в остальном они ничуть не походили друг на друга. Светловолосой Тимми досталась аристократическая внешность отца, а Джой выглядела просто ослепительно с ее темными волосами, глазами оттенка фиалок и сливочно-белой кожей. От матери она унаследовала внешность, от отца – рост. Тимми довольно давно не виделась с младшей сестрой, хотя время от времени разговаривала с ней по телефону. Джой обычно забывала перезванивать и лишь нехотя поддерживала связь с родными. С Джульеттой Тимми общалась гораздо чаще, а Джой была слишком занята прослушиваниями, кастингами, просмотрами, съемками, и в перерывах между ними – работой официантки.

Сестры обнялись. Джой долгую минуту льнула к старшей сестре, и обе думали об отце.

– Не верится, что его больше нет, – сильным голосом выговорила Джой, проходя в комнату. – Наверное, я думала, что он будет жить вечно.

– Все мы так считали, – отозвалась Тимми, наливая в кружку кофе и подавая сестре. Сегодня на Тимми была снова клетчатая, но другая рубашка, чистые джинсы и те же конверсы, как и днем раньше. Получился непритязательный облик в стиле унисекс, так одевались все сотрудники фонда, поэтому мало чем отличались от своих бездомных клиентов. Тимми улыбнулась, отметив, как сексуально и юно Джой выглядит в своей мини-юбке. Бесспорно, в семье она была первой красавицей, как и утверждал отец. Она казалась усовершенствованной, более рослой версией своей матери, к облику которой прибавили изрядную дозу сексапильности. Мать выглядела гораздо скромнее и серьезнее, несмотря на все сходство с младшей дочерью. Отцовский рост пошел на пользу внешности всех троих дочерей.

– Мама прилетает днем, – сообщила Тимми. – Она послала мне эсэмэску, когда садилась на самолет в Ницце три часа назад. Я сказала ей, что ты остановишься у меня.

Услышав это, Вероника не удивилась, поскольку Джой, оказавшись в Нью-Йорке, хоть это бывало редко, обычно гостила у Тимми. Им нравилось жить вместе неподалеку от центра, обычно они успевали наверстать упущенное за время разлуки и наговориться вдоволь. Тимми и выглядела старше, и была более зрелой по характеру; в детстве три года разницы между ними казались особенно заметными.

– Видимо, похороны состоятся через три дня. Мама решит, когда приедет.

– А потом она обратно в Сен-Тропе? – спросила Джой, чувствуя себя виноватой за то, что так и не нашла времени навестить мать во Франции этим летом. Впрочем, не смогла приехать и Тимми. А Джульетте было не до путешествий, поскольку никто не мог заменить ее в булочной – если не считать помощницы, но та не говорила по-английски и не внушала доверия. За три года работы Джульетта ни разу не устраивала себе выходных – до вчерашнего дня. А теперь ей хотелось посвятить остаток лета трауру, почтить память отца и заняться своей жизнью. Как и следовало ожидать, смерть отца повергла ее в шок.

– Она не говорила, – ответила Тимми. – Кажется, дом она сняла лишь до конца этого месяца. И, по-моему, ей там одиноко.

Но и в Нью-Йорке Веронике было нечем заняться. Пока дочери выросли, в ее жизни хватало событий, но последние несколько лет она не знала, куда себя девать.

С недавних пор она поговаривала о том, что хочет вновь начать писать красками, но не сделала никаких шагов в этом направлении. Она была одаренной художницей-портретисткой, училась в Академии художеств в Париже, но с тех пор, как родились дочери, рисовала от случая к случаю и утверждала, что ей не хватает времени. Теперь же времени ей хватало с избытком, но перерыв в занятиях живописью оказался слишком продолжительным. Чем заполнить дни, она понятия не имела. Правда, она помногу читала, ездила в Париж, участвовала в благотворительной работе, но пока что не нашла себе дела, которое захватило бы ее целиком. После развода с Полом она встречалась с несколькими мужчинами, но серьезных отношений у нее не сложилось. С Полом она проводила достаточно времени, чтобы не страдать от одиночества и не испытывать потребности найти кого-нибудь другого. Минувшей ночью Тимми задумалась, изменится ли что-нибудь теперь, со смертью Пола, будет ли ее мать проявлять больше интереса к мужчинам. Впрочем, Вероника часто повторяла, что в свои пятьдесят два года она уже слишком стара, и Тимми не спорила с ней, поскольку даже в свои двадцать девять ощущала себя слишком старой, чтобы повторять попытки, – точнее, чересчур обескураженной и разочарованной. Тимми осточертели изменники и обманщики, но Веронику, казалось, обошло стороной ожесточение, которому поддалась ее старшая дочь. По крайней мере, пока у Тимми не было ни малейшего желания кого-то искать – в отличие от Джульетты, дверь в жизнь которой всегда была открыта для неудачников, и Джой, у которой всегда был парень, пусть даже они не жили подолгу вместе.

– Попробую вернуться пораньше, – пообещала Тимми, – к тому времени и мама придет. Я сказала ей, что мы ходим к Фрэнку Кэмпбеллу вместе. Вот увидишь, мама все успеет продумать и распланировать еще до посадки.

Обе улыбнулись: это была чистая правда. Организованность их матери была безупречна, во всех ее делах царил полный порядок. Она превосходно справлялась с ролью матери и жены, и поэтому теперь, когда ей было нечем заняться, кроме собственной жизни, ей приходилось еще тяжелее.

Тимми поцеловала Джой и ушла. На работу она явилась на этот раз позднее, чем обычно, в восемь, и пока шла от станции метро до офиса, снова задумалась об отце. Во многих отношениях он вечно отсутствовал в их жизни, и в то же время объединял их, скреплял узы между ними. По-прежнему не верилось, что его больше нет.

В офисе ей едва хватило времени, чтобы разобрать папки с делами на своем столе, а в девять ее уже ждали первые трое посетителей – Тимми была лишь рада отвлечься от тягостных и сумбурных мыслей о смерти отца.

К тому времени, как самолет приземлился в аэропорту Кеннеди, Вероника успела составить несколько списков. Ей предстояло созвониться с банкетной службой, со священником и флористом, забрать гроб, заказанный Тимми в компании Кэмпбелла, приобрести участок на кладбище, договориться о публикации некролога в «Таймс» и попросить нескольких знакомых Пола вынести гроб из церкви. Берти мог бы стать одним из носильщиков, Арнольд Сэндс – вторым, но требовалось найти еще шестерых. Близких друзей у Пола не было. Он предпочитал общество женщин, его знакомства были в основном шапочными, люди, с которыми он встречался в обществе, не считали его другом. Все эти обстоятельства указывали на то, что уже было давно известно Веронике: многое в жизни Пола было поверхностным, неглубоким. Для него все оставалось игрой и развлечением, любых обязанностей он по возможности избегал. С этим было нелегко примириться людям, которые по настоящему дорожили им – к примеру, Арнольду Сэндсу, не только лучшему другу Пола, но и его доверенному лицу. Вероника снова задумалась о том, как странно сознавать, что Пола больше нет. Хорошо, что ей предстоит заниматься похоронами, поэтому времени на размышления у нее просто не останется, и все-таки в сердце мало-помалу прокрадывалась тоска.

Представитель авиакомпании «Эйр Франс» проводил ее в здание аэропорта и провел через таможню и иммиграционный контроль, поскольку декларировать ей было нечего. Вероника была одета в простое платье из черного хлопка – эта одежда казалась ей уместной, учитывая причины, по которым она вернулась домой. Формально вдовой Пола она не считалась, но чувствовала себя так, будто потеряла мужа. Ей пришлось напомнить себе, как сделала Тимми в телефонном разговоре, что они с Полом давно в разводе. И все-таки она только что лишилась важной составляющей своей жизни. Ей вспомнилась нестерпимая боль, которую она испытала, потеряв родителей будучи совсем юной девушкой. С тех пор она могла положиться лишь на Пола. А теперь – только на саму себя. Правда, после развода она перестала рассчитывать на Пола и все решения принимала сама, зато он все чаще обращался за советом к ней. Старая, он спрашивал ее мнения, когда у него возникали проблемы или требовались решения. Из них двоих с возрастом мудрее стала она, и Пол прекрасно понимал это. Он ждал, что она сама справится с любой задачей, которая касалась их детей, знать не хотел про их проблемы, – его интересовали лишь достижения. С Полом хорошо было делиться радостями. А Вероника была надежной опорой, прочным фундаментом, на котором строилась жизнь ее дочерей, человеком, на которого они всегда могли рассчитывать. При этом Пол лишь числился главой семьи, но на самом деле не был им.

В квартире Веронику ждала ее экономка Кармина. Она выразила соболезнования хозяйке, сказала, что мистер Пол был прекрасным человеком, и перекрестилась. В то время, когда Пол изменял Веронике, Кармина еще не служила у нее, а в дальнейшем Пол был любезен с ней, как со всеми вокруг. Любить его было проще простого – тем, кто ничего от него не ждал.

Пока Кармина разбирала багаж, Вероника прошла к себе в кабинет и принялась звонить по списку, затем отправила Тимми сообщение, что она дома. Только когда с первыми делами было покончено, она откинулась на спинку кресла и выпила чаю, приготовленного Карминой. Экономка приходила лишь днем, по вечерам Вероника не нуждалась в компании, предпочитая одиночество. Когда ей хотелось есть, она готовила себе что-нибудь легкое сама, никого не утруждая кухонными хлопотами. Так она жила и в Париже – прислуга приходила наводить порядок днем, а к вечеру уходила. Как только дочери выросли, Вероника предельно упростила свою жизнь и почти полностью отказалась от посторонней помощи. Но до развода Пол настаивал на том, что без многочисленной прислуги им не обойтись, тем более что девочки были еще слишком малы. Нынешнее положение вещей устраивало Веронику гораздо больше. Ей не нравилось, когда вокруг нее хлопотали, однако сейчас она радовалась Кармине, а ее квартира на Пятой авеню была достаточно просторной, поэтому присутствие экономки ее не угнетало.

Две из комнат квартиры Вероника отвела для гостей, из окон ее спальни и кабинета открывался великолепный вид на Центральный парк, стены идеально подходили для коллекции живописи. Она по-прежнему владела многими картинами из собрания импрессионистов ее деда, отослав в Париж лишь некоторые из них. В нью-йоркской квартире разместились несколько полотен Ренуара, Дега, Писарро, любимая Мэри Кэссетт в спальне, обожаемый Шагал и Пикассо в столовой, множество маленьких работ Коро и других живописцев, а также несколько рисунков Ренуара. Квартира была элегантно отделана в спокойных тонах. Вероника предпочитала простые качественные вещи и всегда питала страсть к живописи.

В коридоре, ведущем к спальням, она повесила несколько собственных работ, в том числе портрет ее отца. Ей удавалась живопись маслом, особенно женщины в стиле Джона Сингера Сарджента. Вопрос о том, есть ли у нее талант, даже не возникал, хотя долгие годы она ничего не предпринимала, чтобы развить его, – разве что порой делала наброски, да еще написала прелестные портреты своих детей, которые повесила у себя в гардеробной. Одним из ее главных увлечений было изучение подделок – которые, как она знала, интересовали и ее деда. Но и этой страсти она не давала волю, хотя умела отличать подделки от подлинников. Ее мать рисовала акварелью, и ее милые, приятные работы Вероника поместила в комнатах для гостей. Способности к живописи были заложены в генах этой семьи, но никто из дочерей Вероники никогда не пробовал рисовать. По-видимому, последним художником в семье предстояло стать ей самой.

Тимми позвонила в четыре, предложив матери встретиться в офисе компании Фрэнка Кэмпбелла, и Джой решила присоединиться к ним. Вероника дошла до офиса пешком и встретила с дочерьми в вестибюле. Тимми не успела переодеться после работы, а Джой выбрала черную юбку еще короче прежней и туфли на шпильках. Казалось, она сошла со страниц модного журнала. Мать обрадовалась, увидев их, расцеловала обеих и поблагодарила за готовность помочь ей.

Три красавицы встретились с директором компании, чтобы организовать похороны Пола и чтение молитв накануне ночью. Пол не был верующим, в отличие от Вероники, поэтому она не стала проявлять религиозного рвения. Тем днем она поговорила со священником из церкви Святого Игнатия, назначив заупокойную службу на послезавтра. Все необходимые сведения она успела собрать к тому моменту, как директор пригласил их к себе в

кабинет, и дочери не удивились этому, зная, что Вероника умеет предусмотреть все до мелочей.

Вскоре они покончили с тягостными делами в офисе Кэмпбелла, где директор упорно обращался к Веронике как к вдове, и было бесполезно объяснять, что она развелась с покойным двадцать лет назад. Потом они все вместе направились к Веронике, куда вскоре пришла и Джульетта, слишком расстроенная, чтобы присутствовать при встрече в похоронной компании. Растрепанная, заплаканная, она разрыдалась, едва войдя в квартиру, и еще долго всхлипывала в объятиях старшей сестры. Тимми воздержалась от резких замечаний в адрес отца, но Джой прочла по ее глазам, о чем она на самом деле думает. Ни для кого из сестер не было секретом отношение Тимми к Полу. Понадобился час, чтобы успокоить Джульетту, и только после этого они смогли перебраться на кухню, чтобы перекусить. Рабочий день Кармины уже закончился. Вероника предложила заказать еду из ресторана, но желающих не нашлось. Никто не притронулся даже к пирожкам, которые Джульетта принесла из своей булочной. Ее слегка полная фигура наглядно доказывала, что Джульетта сама пробует свой товар, в то время как мать и сестры проявляли больше осмотрительности в еде.

– Не могу поверить, что его больше нет, – кажется, уже в сотый раз повторила Джульетта, и Джой призналась, что ей тоже не верится. Вероника думала о том же, но ее отвлекали предстоящие дела, связанные с похоронами, которые она старательно устраивала как последнюю дань уважения отцу ее детей и человеку, которого она страстно любила много лет назад. Она заказала изумительные цветы и выбрала любимую музыку Пола. Это были ее последние дары бывшему мужу, она хотела, чтобы похороны прошли достойно, чего хотел бы и он сам. Пол Паркер предпочел, чтобы его смерть выглядела так же эффектно, как и жизнь.

Четыре женщины просидели на кухне часа два, беседуя за чаем. Тимми даже отважилась предположить, что на самом деле Джульетта оплакивает потерю воображаемого отца, а не того, каким он был на самом деле.

– Как ты можешь! – мгновенно встала на защиту Пола Джульетта. – Он был замечательным отцом!

Тимми промолчала, стиснув зубы, а Вероника поспешила отвлечь их от спора очередными подробностями предстоящих похорон. Ей не хотелось, чтобы девочки ссорились, но она понимала, что Тимми права. Джульетта всю жизнь рисовала себе идеальный образ отца, утверждала, что они общаются чуть ли не каждый день, и никто не решался возразить, что это она все время звонит ему. Наконец Тимми и Джой отправились домой к Тимми, а Джульетта – к себе в Бруклин, чтобы поплакать в одиночестве.

Все они собирались присутствовать на чтении молитв следующей ночью и на заупокойной службе на следующий день. Объявление об этом должно было появиться в утреннем выпуске «Таймс». Вероника позаботилась о двух машинах, которые должны были отвезти дочерей в церковь и на кладбище. Ей хотелось облегчить их ношу, как только возможно: она понимала, что значит потерять отца, в свое время некому было позаботиться о ней самой. По крайней мере, хоть что-то она могла сделать для своих девочек. Так обычно поступала Вероника – старалась предусмотреть все, чтобы облегчить им жизнь, а они почти не замечали этого, но твердо знали, что мать справится с любой задачей сама. Так было всегда на протяжении всей их жизни.

Проводив дочерей, Вероника погрузилась в раздумья, заранее ужасаясь предстоящим формальностям следующих двух дней. Она не могла не вспомнить вновь о том, как Пол предоставлял ей утешать детей, заботиться о каждой мелочи, оплачивать все счета. При жизни он считал, что это само собой разумеется. И даже смерть ничего не изменила. Но Веронике вдруг стало горько оттого, что больше нельзя позвонить ему. У нее не было друзей, с которыми она могла бы поделиться своими чувствами, а если бы и были, вряд ли поняли бы

ее. Вероника с Полом сохранили отношения, нетипичные для разведенных супругов, особенно потому, что если отец и муж из него получился никудышный, то другом на протяжении более чем половины жизни Вероники он был неплохим. Она много потеряла: Пол обладал элегантностью, обаянием и чувством стиля.

Церковная служба на следующий день прошла просто и официально. Длинная вереница незнакомых Веронике людей выстроилась, чтобы расписаться в книге для соболезнований: милостивые молодые женщины, в том числе моложе дочерей Пола, не пожелавшие представиться, хорошо одетые пары, мужчины тех же лет, что и покойный, знакомые и друзья. Лишь немногие подходили к Веронике, чтобы пожать ей руку и выразить соболезнования, некоторые поглядывали на Тимми, Джульетту и Джой, одетых в простые черные платья, стоящих рядом с матерью. Все они вернулись домой совершенно обессиленные.

На следующий день все повторилось, только скорбящих собралось еще больше. К удивлению Вероники, всем едва хватило места в церкви. Воздух в ней наполнял благоухание больших белых цветов, расставленных в вазонах по всему залу. Гроб темно-красного дерева, выбранный семьей покойного, утопал в крошечных белых орхидеях. Веронике удалось найти двоих друзей Пола на роль носильщиков, Берти и Арнольд тоже согласились, а остальных четверых предоставила похоронная компания, и они без труда катили поставленный на колеса гроб.

На службу накануне вечером Берти не явился, но в день похорон приехал в церковь заранее, чтобы встретиться с Вероникой и ее дочерью. К их удивлению, он привел с собой молодую женщину в короткой черной юбке и черной шелковой блузке с глубоким вырезом, на высоких шпильках и со слишком ярким макияжем. Спутница Берти откровенно скучала, она не сказала семье покойного ни слова, и Берти не считал нужным представить ее. Вероника и ее дочери так и не поняли, кто это – подруга Берти или случайная знакомая. Он не снизошел до объяснений, а расспрашивать его никто не решился.

Казалось, необходимость присутствовать на похоронах слегка раздражает Берти. В приличном черном костюме, белой рубашке, галстук и сияющих дорогих туфлях он выглядел внушительно, как его отец. Но отцовских качеств он не унаследовал. При всем его эгоцентризме и самовлюбленности Пол был не чужд доброты, а взгляд, которым Берти сверлил мачеху и сестер, поражал ледяной расчетливостью. Вероника предложила ему сесть с ними рядом на переднюю скамью, ведь он приходился Полу сыном. После того как гроб поставили на место, Берти уселся впереди, рядом со своей спутницей, и в ожидании начала службы шептался с ней.

После службы все сошлись во мнении, что она прошла прекрасно, вполне достойно их отца. Попрощавшись с друзьями у церкви, родственники направились на кладбище Вудлона в Бронксе, где священник произнес над могилой краткую речь. Пола похоронили на участке, принадлежавшем семье Вероники. Хоронить его отдельно она не захотела и решила, что отец ее дочерей должен покоиться вместе со всеми их родными. Здесь же были похоронены родители Вероники.

Берти уехал с кладбища вместе со своей молодой спутницей – к тому времени выяснилось, что ее зовут Дебби. Позднее они явились в квартиру Вероники, где в столовой банкетная служба приготовила фуршет. Повсюду были расставлены белые цветы, более сотни присутствующих ели, беседовали и ждали, когда вернутся с кладбища родственники покойного. Единственным знакомым Веронике человеком в этой толпе оказался Арнольд: его лицо осветилось при виде ее, он поспешил подойти к Веронике и ее дочерям.

– Прямо как на свадьбе, – с явным неодобрением процедила Тимми сквозь зубы, обращаясь к Джой, и та кивнула. И вправду похоже. Их мать постаралась на славу, чтобы почтить память бывшего мужа, и это никого не удивило. – Для кого это все – для него, для нее или для нас? – чуть громче спросила Тимми.

– Видимо, для всех сразу, – откликнулась Джой, пока Арнольд обнимал ее мать. Все в семье давно знали, что Арнольд равнодушен к ней и охотно стал бы ей не просто другом, но Вероника даже слышать об этом не желала и ясно дала это понять, хотя всегда была добра к нему. В свои шестьдесят с небольшим Арнольд, на редкость преуспевающий юрист, выглядел привлекательно и находился в разводе уже много лет. Но Веронику он интересовал лишь как юрист и ближайший друг Пола. Несмотря на все его старания, их отношения так и остались дружескими.

– Ты прекрасно поработала, – похвалил ее Арнольд, и Вероника с улыбкой поблагодарила его. Тем временем Джульетта, насилу оправившаяся после похорон, наполняла у фуршетного стола свою тарелку. Под звуки «Аве Марии» она чуть не разрыдалась, ее до сих пор трясло. Джой и Тимми негромко переговаривались. Присутствующих они не знали – в столовой собрались друзья Пола, элита и сливки общества, едва знакомые с покойным, но тем не менее пришедшие помянуть его и непринужденно чувствующие себя в доме его бывшей жены.

– Твоя мать, наверное, угрохала на похороны целое состояние, – неприятным тоном обратился Берти к Тимми и удостоился в ответ раздраженного взгляда.

– Значит, решила, что отец этого достоин, – отрезала она. Джой гадала, не вспыхнет ли между ними ссора, но в это время к ним подошел Арнольд. Вероника говорила что-то официанту, наливавшему гостям белое вино и шампанское.

– Раз уж все вы здесь, у меня есть предложение, – мягко обратился к дочерям и сыну Пола Арнольд. – Официальная процедура вскрытия завещания уже не проводится. Но поскольку Джой в городе, почему бы нам всем не собраться завтра у меня в офисе и не посмотреть завещание? Мы могли бы обсудить его, я ответил бы на вопросы, если они у вас возникнут.

Мысль казалась разумной, тон Арнольда не предвещал ничего плохого. Никто из детей Пола не ожидал, что он оставит им состояние; его единственной недвижимостью был шато во Франции – если, конечно, он не успел заложить и перезаложить его, не поставив в известность родных. Пол так и не научился ответственности в финансовых вопросах.

– Звучит неплохо, – заинтересованно отозвался Берти, и его сестры закивали, но на их лицах отразилось удивление. Никто из них даже не задумывался о завещании.

– Значит, у всех найдется время? – уточнил Арнольд. В этот момент к ним присоединилась Вероника.

– Время для чего? – спросила она.

– Я предложил собраться завтра вместе, посмотреть завещание и сразу во всем разобраться, – невозмутимо объяснил Арнольд. – Думаю, и тебе стоило бы прийти, – добавил он, глядя на Веронику.

Она удивилась. Вряд ли Пол что-нибудь оставил ей, ведь все, что у него имелось, он получил от нее. Вероника полагала, что свое имущество Пол завещал девочкам и Берти, а ей не причитается ничего.

– Вы не против, если я тоже поприсутствую? – спросила она дочерей, и все они заверили, что будут только рады, а Берти заявил, что ему все равно. Его явно интересовала лишь доставшаяся ему часть наследства.

– Встреча завтра утром в девять всех устраивает? – уточнил Арнольд, обводя взглядом наследников и их мать, и все согласно закивали. – В таком случае – до завтра, – он улыбнулся и вскоре ушел.

Берти покинул поминки следующим, Тимми на прощание попросила его не приводить Дебби завтра на встречу с Арнольдом.

– Само собой, – пренебрежительно скривился он.

Тимми всегда легко удавалось разозлить его: она делала это нарочно, поскольку терпеть не могла Берти, и эта неприязнь была взаимной. Дебби даже не попрощалась перед уходом ни с Вероникой, ни с ее дочерями, на протяжении всего вечера она разговаривала только с Берти.

Остальные разошлись спустя два часа, опустошив фуршетный стол и выпив на удивление много шампанского. Тимми заметила, что и явились сюда эти люди только ради бесплатного угощения и выпивки, а вовсе не за тем, чтобы почтить память ее отца, и заслужила укоризненный взгляд Вероники. Сестры покинули квартиру матери, чувствуя себя обессиленными.

Когда квартира опустела, на Веронику вдруг навалилась усталость. Она пожалела, что согласилась прийти завтра на встречу в офисе Арнольда: у нее нет причин появляться там, это лишнее. От эмоциональной опустошенности ей хотелось только спать, и она охотно поспала бы утром подольше, но уже не хотела отменять встречу, доставляя неудобство девочкам. Вероника разделась, легла в постель и уснула, не успев погасить лампу. В полусне она порадовалась, что успешно справилась со своей работой, что теперь Пол может упокоиться с миром: его проводили в последний путь достойно и торжественно, чего, по его мнению, он полностью заслуживал.

Глава 3

На следующее утро Вероника явилась в офис Арнольда, надеясь, что это испытание станет для нее последним. Ей вполне хватило бы и похорон. Вскоре подробности завещания станут известны, и жизнь вновь пойдет своим чередом. Тимми и Джой уже готовы к этому. Джульетта собиралась закрыть булочную до конца августа, до Дня труда. По пути к Арнольду Вероника размышляла, когда ей будет лучше вернуться во Францию. Аренда дома в Сен-Тропе оплачена до конца месяца, но возвращаться ее не тянуло. Париж летом словно вымирал, поэтому она туда и не стремилась, а в Нью-Йорке было слишком жарко. Окончательного решения Вероника пока не приняла, не стала задумываться над планами на август и вообще не знала, чем теперь заняться. Так ничего и не надумав, она приехала в офис Арнольда и узнала, что остальные еще не приехали. Движение на улицах оказалось менее плотным, чем она предполагала.

– Ты прекрасно организовала похороны – впрочем, я не удивлен, – дружески приветствовал ее Арнольд, целуя в обе щеки на французский манер, но обнимая чересчур крепко для друга. Он всегда слишком старался сократить расстояние между ними, что слегка раздражало Веронику. Некоторое время они говорили о ее дочерях, а вскоре и сами сестры прибыли почти одновременно. Берти явился в новом солидном костюме, бледно-голубой рубашке и темно-синем галстуке делового вида, и выглядел как процветающий банкир, а не аферист.

Арнольд провел собравшихся в комнату для совещаний, секретарь предложила им кофе или чай, но все отказались. Им не терпелось начать и закончить встречу, а вместе с ней оставить позади официальную сторону смерти отца. Джой уже забронировала билет до Лос-Анджелеса на дневной рейс и сказала, что завтра у нее прослушивание на маленькую роль в очередном «мысле», к тому же ее начальство в ресторане, где она работала пять вечеров в неделю, попросило ее вернуться пораньше. Ресторан пользовался популярностью, клиенты оставляли неплохие чаевые, работодатель оплачивал Джой квартиру, поэтому ей не хотелось злить его и вынуждать искать замену.

С серьезным выражением лица Арнольд заговорил:

– На протяжении всего прошлого года мы с вашим отцом обсуждали его завещание, пока он был еще в состоянии составить его. Заранее хочу предупредить: пункты его завещания несколько необычны, но полностью соответствуют его намерениям. Мы придерживались различных взглядов на то, как следует поступать в тех или иных обстоятельствах, но, признаться, в своих решениях Пол проявил более творческий подход. Он хорошо помнил, что всем вам предстоит когда-нибудь унаследовать от матери большое состояние и что ваше будущее обеспечено благодаря ей, и считал, что это дает ему возможность несколько шире взглянуть на вещи. Он стремился удовлетворить ваши насущные, а не долговременные потребности, зная, что о последних уже позаботились.

Как и Полу, Арнольду были известны принципы Вероники, считавшей, что ее дочери должны сами зарабатывать себе на жизнь, каким бы крупным ни было состояние, которое они когда-нибудь унаследуют. Ей хотелось быть для них гарантией безопасности для особых и непредвиденных случаев, а не источником средств для повседневных расходов. Вероника рассчитывала, что дочери будут зарабатывать сами, и они старались на совесть. Пол не соглашался с ней, считал, что она должна чаще проявлять щедрость, но Вероника наотрез отказывалась баловать дочерей и поощрять праздную жизнь, или же допускать, чтобы они транжирили чужие деньги, как делал сам Пол. Она считала, что отец подает девочкам плохой пример; не о таком образце для подражания для них она мечтала. Арнольд восхищался ее уроками, несмотря на то, что Полу они не нравились. Вероника сумела вырастить доче-

рей самодостаточными, несмотря на все свое состояние. Все трое не были ни ленивыми, ни избалованными, даже если Вероника не одобряла выбранную ими работу.

– В завещании Пола, – продолжал Арнольд, – отражены эти взгляды, его стремление что-то изменить в вашей жизни прямо сейчас, поскольку гарантии на будущее вам уже обеспечила мать. Для этой цели Пол отставил вам различные суммы, сами по себе тоже необычные, но соответствующие, по мнению Пола, вашим потребностям и тому, в чем вы нуждаетесь в данный момент, а не когда-нибудь потом. Как сам он отметил в завещании, различие сумм вовсе не означает, что он любил кого-то из вас больше или меньше.

Арнольд обвел взглядом присутствующих, и Вероника заметила, как на лице Берти отразились надежда и нетерпение. До отцовских доводов ему не было дела – он только хотел поскорее узнать, сколько получит.

– Ваш отец хотел, чтобы вы получили то, что будет особенно полезно вам, и на этот счет высказался недвусмысленно, – добавил Арнольд, и трое дочерей кивнули. Арнольд взял последнее завещание Пола и принялся читать вслух. Копии завещания лежали перед ним, по одной для каждого из наследников, но раздавать их он не спешил, предпочитая сначала все прояснить.

– «Моей дочери Тимми, которую я люблю и которой восхищаюсь, я оставляю следующую сумму... – Арнольд назвал ее, и Тимми изумленно раскрыла глаза. Это наследство показалось огромным не только ей, но и всем остальным. – Я хочу, чтобы она приобрела на эти деньги дом там, где она сочтет разумным, и создала свой фонд помощи неимущим людям, с которыми работает, чтобы помогала им, как умеет, зная, что она вправе делать для этого то, что считает нужным. Я абсолютно уверен в том, что она прекрасно справится с этой работой. А я благодаря Тимми смогу помочь людям, которым ничем не мог помочь при жизни. Надеюсь, полученное наследство хоть как-нибудь изменит в лучшую сторону ее мнение обо мне как о закоре́нелом эгоисте. Я и вправду был таким, но теперь хочу помочь дочери, а с ее помощью – и тем людям, которые в этом нуждаются».

Тимми слушала Арнольда со слезами на глазах. От отца она не ожидала ничего подобного. Ее сестры и мать тоже одобрительно улыбались, смагивая слезы.

– Даже не знаю, что сказать... – прошептала Тимми, глубоко растроганная завещанием.

– Мы с твоим отцом выяснили, что завещанной тебе суммы хватит и на дом, и на то, чтобы приступить к работе над проектом, о котором написал твой отец, – Арнольд добавил: – Тебе досталась самая большая часть наследства.

Все кивнули, сестры Тимми ничуть не возражали, но Берти нахмурился. Сумма показалась ему гигантской, он сомневался, что отец располагал вчетверо большим состоянием, чтобы оделить их всех поровну. Значит, сумма, которая достанется ему самому, будет намного меньше.

– «Моей милой дочери Джульетте, – продолжал читать Арнольд, – я оставляю в наследство дар времени, чтобы она наняла помощников для работы в булочной, управляющего, который руководил бы работой, а сама могла уехать куда-нибудь, путешествовать, жить активнее, чем в предыдущие годы. Я оставляю ей достаточную сумму, чтобы платить наемным работникам, модернизировать булочную, а если будет желание, то и поставить дело на более широкую ногу. Но дорогая моя Джульетта, я хочу, чтобы ты жила и встречалась с людьми. Ты замечательная, ты должна видеть мир, не замыкаясь в четырех стенах, как сейчас».

Отец оставил ей внушительную сумму, хоть и не такую большую, как Тимми, и Джульетта благодарно всхлипнула. Заполучить много денег она не стремилась и не нуждалась в них, поэтому отцовское наследство сочла невероятно щедрым. Улыбаясь сквозь слезы, она переглянулась с сестрами и пожала руку Тимми, сидящей рядом. Джульетта ничуть не завидовала старшей сестре, которая получила больше: достанься эта сумма ей, Джульетте, она

не знала бы, как распорядиться ею. А если Тимми откроет приют для бездомных, пусть даже небольшой, расходов у нее будет гораздо больше, чем на модернизацию булочной и зарплату наемным работникам, чтобы время от времени устраивать себе отдых. Отец верно рассчитал, сообразил, каковы их потребности, как и сказал Арнольд. Видимо, он тщательно обдумал каждое свое решение.

– «Я знаю, что мать не одобряет актерскую карьеру моей прекрасной дочери Джой, – продолжал Арнольд, – но я уверен, что у нее на самом деле есть талант, поэтому хотел бы стать ангелом, который поможет ей исполнить заветную мечту. Мое наследство Джой предназначено для того, чтобы она наняла хорошего менеджера, если повезет – лучшего в Лос-Анджелесе, и сдвинула свою карьеру с мертвой точки, а это наверняка привлечет внимание первоклассного агента. Я оставляю ей столько денег, что хватит на уроки актерского мастерства у лучшего преподавателя в Лос-Анджелесе, а также на то, чтобы безбедно жить два года, поэтому Джой может бросить работу официантки, всецело сосредоточиться на своих ролях и наконец добиться успеха, которого заслуживает».

Вместе с Арнольдом Пол подсчитал, какая сумма позволит Джой испробовать пути, прежде закрытые для нее из-за недостатка денег и избавит ее от необходимости подрабатывать официанткой, поскольку Вероника не желала финансировать карьеру, которую не одобряла. Слушая Арнольда, Джой просияла, потом виновато взглянула на мать и с облегчением увидела, что она тоже улыбается. Улыбки расцвели на лицах всех сестер. Джой уже поняла: отец оставил ей более чем достаточно, чтобы заметно продвинуться в профессиональном отношении. Именно об этом она и мечтала, и не желала ничего другого.

К тому времени Берти уже ерзал на своем стуле и явно терял остатки терпения. Ему надоело слушать о сестрах и чужих мечтах. Он ждал, когда дело дойдет до его части наследства.

– «Кроме того, – снова принялся читать Арнольд, и Берти вздохнул с облегчением, наконец-то дождавшись своего пункта завещания, – я завещаю свой шато близ Сен-Поль-де-Ванса в четырех равных долях каждой из моих трех дочерей – Тимми, Джульетте и Джой, а... – Арнольд помялся, но продолжал: – ...четвертая доля, равная каждой из остальных трех, отходит моей дочери Софи-Агнес Марнье, дочери Элизабет Марнье, с которой я был несколько лет связан нежными узами. Я понимаю, что известие о существовании Софи и ее матери станет шоком для моих детей и для Вероники, и приношу за это свои извинения. То, что Софи и ее мать существуют, ничуть не умаляет моей любви к трем моим старшим дочерям, а также к Веронике, когда я был женат на ней. Все произошло давным-давно, и сейчас, после смерти, я хочу признать свою младшую дочь и сделать для нее то, чего не сделал при жизни. Я хочу, чтобы она владела шато наравне со своими сестрами, чтобы каждая из них получила по одной четверти этой недвижимости. Все остальные средства, которыми я располагаю, я завещаю Софи. Она получит сумму гораздо меньше тех, которые получили три мои старшие дочери, но она поможет ей и ее матери, а также снимет с Элизабет часть бремени – это самое меньшее, что я могу сейчас для них сделать».

Арнольд умолк, в комнате воцарилась мертвая тишина. Никто не шелохнулся, не издал ни звука, казалось, даже не дышал. Вероника словно обратилась в камень. Джой была потрясена: всего две минуты назад она считала себя младшей в семье и любимицей отца, а теперь вдруг узнала, что у него есть еще одна дочь, младше ее. Шок испытали все.

– Сколько ей? – сдавленным голосом спросила Вероника, и Арнольд понял, насколько мучительным станет для нее ответ.

– Софи сейчас двадцать три года, она тремя годами моложе Джой.

Оба знали, что это означает. Пол был все еще женат на Веронике, когда завел роман с матерью Софи. Девочка родилась за три года до его развода, еще когда у Вероники с мужем все было хорошо и она не подозревала о его изменах. Она узнала о них только после рас-

ставания, изумилась и не сразу поверила, постепенно вскрылись детали, но имени Элизабет Марнье она никогда прежде не слышала. Пол сумел сохранить свою тайну. Его отношения с Элизабет явно были серьезными, если у них даже родился ребенок. Вероника прекрасно понимала, что удивляться не следует, особенно после всего, что она уже знала о Поле, но все-таки была поражена тем, как старательно он скрывал от нее правду все эти годы.

Ее дочери словно утратили дар речи. Лицо Берти побагровело. Он слушал внимательно и успел произвести подсчеты. Владелицами шато стали только дочери Пола, Берти не досталось собственной доли, остаток средств отошел внебрачной дочери Софи, значит, самому Берти не причиталось ничего.

– «Далее о моем сыне Бертроне, – продолжал Арнольд. – Я финансировал десятки его предприятий, и все они оказались провальными – ввиду отсутствия здоровой оценки, опыта и продуманных бизнес-планов. Его мачеха помогала ему гораздо усерднее, чем я, особенно когда он был моложе, но без малейшего успеха за все пятнадцать лет. По-моему, Берти, ты имел гораздо больше преимуществ, чем твои сестры, и больше денег, чем они, когда я ушел из семьи – с тех пор и до настоящего момента я не давал им ни цента. По моим оценкам, ты уже получил более чем приличную долю моего состояния и состояния твоей мачехи, и боюсь, что если бы я оставил тебе что-нибудь еще, это наследство было бы растрчено так же бездарно, как и все остальное. Этот урок наверняка покажется тебе жестоким, сынок, но я люблю тебя и хочу, чтобы ты работал, зарабатывал на жизнь честным трудом, усвоил то, чему мы с Вероникой безуспешно пытались научить тебя. Тебе придется самостоятельно строить карьеру и сколачивать состояние – без помощи со стороны и обходных путей, только так ты добьешься того, к чему стремишься. Это единственный путь, который имеет значение для тебя. Надеюсь, ты будешь стараться лучше и действовать мудрее в будущем, проявляя трезвость суждений. Я оказывал тебе всю возможную помощь при жизни. Теперь же я надеюсь, что ты справишься сам. Это решение ты наверняка сочтешь слишком жестким, но поверь мне, сынок: я люблю тебя».

Арнольд закончил чтение, и Берти вскочил со своего места с перекошенным от ярости лицом, уставившись на Веронику и ее дочерей.

– Сволочи! Все вы! Выманили у него все – целовали ему задницу, навешали, чтобы пожаловаться, наговаривали на меня! И ты тоже! – он злобно продолжал, повернувшись к Веронике. – Это ты виновата, святоша, – ты со своими идеями насчет работы, ты заставляешь всех пресмыкаться перед тобой ради денег, а сама притворяешься нищей – это ты уговорила его оставить меня ни с чем, лишь бы остальным досталось все!

Все понимали, что в сказанном Берти нет ни слова правды. Они никогда не жаловались отцу и ничего от него не ждали. Веронике и в голову не приходило притворяться нищей или вынуждать своих детей унижаться перед ней ради денег. Она просто хотела, чтобы они работали честно и зарабатывали себе на жизнь. И как отметил Пол в завещании, за долгие годы Вероника проявила по отношению к Берти гораздо больше щедрости и терпимости, чем к своим дочерям. Она старалась хоть чем-нибудь возместить отсутствие у Берти родной матери, всегда сочувствовала его сиротству, находила ему оправдания, которые он не ценил и которых не заслуживал. Но сейчас Берти словно ослеп от ярости, узнав, что отец не завещал ему ни цента.

– Значит, мне ничего? – выпалил он, обращаясь к Арнольду, и тот кивнул.

– Да, Берти, к сожалению. Он думал, что этим поможет тебе.

Когда-то Арнольд согласился с Полом, но теперь начинал сомневаться в его правоте. Берти по натуре был транжирой худшего сорта, завещать ему хоть что-то было бессмысленно. Девочки найдут достойное применение отцовским деньгам, а Берти наверняка потратит их на всевозможные махинации и в конце концов потеряет и промотает – это Пол знал точно. Насчет сына он не питал иллюзий.

– Вы обо мне еще услышите! – угрожающе заявил он Веронике и ее дочерям. – Это еще не конец, даже не надейтесь!

Он широкими шагами покинул комнату и хлопнул дверью.

Поистине это был день потрясений и сюрпризов как для Вероники, так и для остальной семьи. Известие о существовании у Пола внебрачной дочери изумило и встревожило их гораздо больше, чем все сказанное Берти или то, что он остался ни с чем, – впрочем, и этим решением Пола они были удивлены. Все полагали, что Берти получит хотя бы какое-то наследство, и никак не ожидали, что Берти обманется в своих надеждах, зато у них появится еще одна сестра. Вероника по-прежнему была бледна, ее била внутренняя дрожь. Девочки заговорили все разом, расспрашивая Арнольда о Софи.

Арнольд попросил тишины: завещание еще не было дочитано.

– «И наконец, моей бывшей жене Веронике, самой удивительной женщине, которую я знаю и люблю всем сердцем, я завещаю мою любовь, мое сердце, наши воспоминания и одну просьбу: я прошу, чтобы она снова начала рисовать. Вероника, у тебя редкостный талант, ты просто обязана снова заняться живописью. Кроме того, завещаю тебе картину, которую мы купили в наш медовый месяц в Венеции – предположительно Беллини, но ее подлинность так и не была установлена, а ты считала ее подделкой. Мы оба любили это полотно, независимо от его ценности или ее отсутствия. Ты обещала выяснить ее происхождение, но так и не собралась. Если она не имеет ценности, надеюсь, она вернет тебе счастливые воспоминания, как вернула мне. Все эти годы я очень любил ее».

При разводе Вероника отдала ему эту картину неохотно: для нее она имела сентиментальную ценность. Но Пол очень хотел заполучить ее, и она уступила.

– «Если же окажется, что это подлинник Беллини, оставляю его тебе с радостью как ценный дар, но гораздо менее ценный, чем ты заслуживаешь за все, что сделала для меня за долгие годы. И прошу прощения за известие о ребенке, о котором ты ничего не знала. Пожалуйста, поверь моим словам: я никогда не любил ее мать так, как тебя. Ты всегда была моей единственной истинной любовью. Как жаль, что раньше я был таким глупцом. Я люблю тебя, но так и не смог стать тебе мужем, которого ты заслуживаешь».

Арнольд поднял голову и увидел, что Вероника в слезах.

– И его подпись... – тихо добавил он, пока Вероника незаметно вытирала нос.

Пол проявил редкую проницательность по отношению к детям и даже к Веронике, чего не случилось при их совместной жизни. Однако Вероника полагала, что он позаботится не только о девочках, но и о Берти, и задумалась, попытается ли Берти опровергнуть завещание. В любом случае Пол был вовсе не обязан оставлять ему хоть что-нибудь. В отличие от французских законов, по американским он мог вообще ничего не завещать сыну, и он недвусмысленно объяснил, почему так поступил с Берти. Вероника растрогалась, услышав, что он завещал ей Беллини в напоминание о хороших временах, прожитых вместе, и о том, как страстно они любили друг друга поначалу. В то, что картина подлинная, ей по-прежнему не верилось, но ни для нее, ни для Пола на самом деле это не имело значения: они просто обожали ее, влюбившись с первого взгляда. Ее до глубины души тронула и просьба Пола снова начать рисовать. Вероника сама не раз думала об этом с тех пор, как девочки выросли, но так и не решилась. И не знала даже, решится ли сейчас. Слишком много лет прошло с тех пор, как она рисовала в последний раз, начинать все заново будет нелегко. И потом, сейчас им предстоит обдумать и обсудить более насущные вопросы – например, о Софи-Агнес Марнье. Дочери Вероники принялись наперебой расспрашивать о ней Арнольда и заметно разволновались, но не потому, что ей досталась доля принадлежащего им шато: беспокоил сам факт ее существования и то, что отец никогда ни словом не обмолвился о своей внебрачной дочери. Известие о ней потрясло всю семью, а выяснить подробности было не у кого, кроме как у Арнольда.

Арнольд объяснил, что мать Софи жила неподалеку от Сен-Поль-де-Ванса и шато, там Пол и познакомился с ней. Но насколько было известно Арнольду, Пол не виделся ни с Софи, ни с ее матерью вот уже тринадцать или четырнадцать лет. И совсем не помогал им, поэтому и хотел теперь загладить вину. Пол просто вычеркнул этих двоих из памяти и вспомнил вновь, лишь когда перед смертью задумался о том, чиста ли его совесть. Поэтому он и внес Софи в свое завещание последней. Арнольд пояснил, что не знает о дочери Пола ничего, кроме адреса, который в целях исполнения воли покойного уже успели проверить, и он оказался действительным. Перед смертью Пол не пытался связаться с Софи и ее матерью, и Вероника невольно задумалась о том, что он уклонялся от своих обязанностей даже перед младшей дочерью, как поступил с остальными, потому и старался хоть что-то исправить посмертно.

Когда все они покинули офис Арнольда, Тимми предложила поужинать вместе, а Джой сама вызвалась перенести свой отъезд на завтра. Услышав, что причитается ей по завещанию, Джой поняла, что избавлена от необходимости возвращаться на работу в ресторан. Теперь она могла со спокойным сердцем уволиться и впервые за пять лет сосредоточиться только на актерской карьере. Кроме того, матери и дочерям требовалось многое обсудить и решить, как быть с шато. У каждой из них имелись планы, которые профинансировал отец в своем завещании. И теперь все хотели поговорить о том, как быть с Софи – нынешней совладелицей замка. Арнольд сказал, что отправит ей копию завещания и объяснит, что ей причитается.

От ужина тем вечером не отказался никто, в том числе Вероника. Они договорились встретиться в ресторане неподалеку от квартиры Тимми часов в восемь. Вероника вернулась домой одна, на такси, так и не оправившись от потрясения после известия о Софи и ее матери. В голову Вероники сами собой закрадывались мысли о том, что даже после смерти Пол ухитрился вновь больно ранить ее, признавшись, что еще до развода у него был роман на стороне и ребенок, о котором Вероника ничего не знала. Оказалось, что полезно вспомнить, каким Пол был на самом деле – эгоистичным, самовлюбленным нарциссом, он считался лишь со своими желаниями и не думал, что кому-то может причинить боль. На протяжении всей жизни у Пола был только один по-настоящему близкий человек, которого он окружал заботами, – он сам.

Глава 4

В ресторан в деловом центре города Вероника приехала на такси точно к восьми. Тимми и Джой опередили ее, а Джульетта подросла чуть позже. Они заняли столик на террасе, наслаждаясь теплом июльского вечера, Тимми дождалась, когда все рассядутся по местам, и заказала вино. День выдался долгим, трудным, наполненным эмоциями и открытиями, которые с самого утра не давали им покоя. Составляя завещание, отец проявил заботу о них и недюжинную проницательность, подарил им всем возможность осуществить свои мечты и тут же обрушил на них признание о том, что у него есть внебрачная дочь. Вдобавок Берти повел себя не лучшим образом – вспылал, осыпал их обвинениями, узнав, что отец ничего не оставил ему, как будто виноваты в этом были Вероника и ее дочери, а не его собственные поступки за последние двадцать лет. За считанные минуты они лишились брата и обрели сестру, и ни то ни другое их не радовало, хотя существование Софи Марнье внушало им гораздо больше тревоги. На Берти все давно махнули рукой.

– Ну что, девочки? Все уже свыклись с мыслью, что сегодня у нас появилась младшая сестра? – саркастически осведомилась Тимми, отпивая первый глоток вина. Мысли о Софи преследовали ее весь день, она беспокоилась о матери, которая по-прежнему была мертвенно бледна. Это беспокойство изводило Тимми с тех пор, как утром они покинули офис Арнольда.

– Стало быть, я уже не самая младшая, а если когда-то и была, то недолго, – с мрачным видом произнесла Джой. Она понимала, что это звучит глупо, но была задета всерьез. Отцовская скрытность больно уколола их всех. – Ее мать, наверное, охотилась за деньгами, и вот теперь им повезло отхватить четверть шато. А если Софи помешает нам продать его? – Джой вдруг всерьез озаботилась этой мыслью.

Вероника покачала головой.

– Не сможет, – резонно возразила она. – Против вас троих она окажется в меньшинстве. А любое решение о продаже принимается большинством голосов. В завещании вашего отца ничего не сказано о единодушном желании избавиться от шато. Софи владеет своей долей формально, как фидуциар. Это значит лишь то, что она получит четверть суммы, за которую вы продадите его, а эта сумма существенной не будет. Вряд ли шато все эти годы содержался в приличном состоянии, а ведь он и прежде был далеко не Версалем.

Шато представлял собой живописный загородный дом, и пока он принадлежал Веронике, она поддерживала в нем безупречный порядок – вплоть до того момента, как он перешел в руки Пола и оказался забытым. Заполучив шато, а вместе с ним и обязанность заботиться о нем, Пол сразу же утратил к нему интерес и не вспоминал о нем годами. Содержание шато требовало слишком больших денег, которых у Пола не было или которые он не хотел тратить на ненужную ему, в сущности, недвижимость во Франции. Типичный для Пола подход: с глаз долой – из сердца вон. Точнее, из списка текущих расходов.

– Ну что ж... могу сказать сразу: я готова продать его, – без колебаний объявила Тимми после того, как ужин был заказан. – Меньше всего мне нужен шато во Франции и вся головная боль, связанная с такой собственностью. По-моему, деньги в нее будут уходить, как в прорву.

– Да, так было всегда, – подтвердила Вероника, понимая, что дочерям не имеет смысла оставлять шато себе. Во Францию они приезжали лишь летом, да и то всего на неделю, навестить ее, а в этом году так и не выбрались. Давно прошли времена, когда они проводили каникулы и отпуска все вместе. Теперь их пути разошлись: у каждой свое расписание, обязанности и потребности. А нести все расходы на поддержание порядка в шато ради нескольких дней отдыха попросту нелепо.

– И мне шато во Франции не нужен, – на лице Джой отразилась паника при мысли, что придется заниматься еще и этим делом. – У меня работа в Лос-Анджелесе, мне надо бывать на прослушиваниях. Если бы я хотя бы жила на Восточном побережье! А добираться из Лос-Анджелеса слишком далеко. И потом, шато мне не по карману, – она не назвала самую важную причину: она не только не могла позволить себе такую недвижимость, но и не хотела ее.

– А может, сначала хотя бы посмотрим на него, а уж потом решим? – осторожно предложила Джульетта. За последние двадцать лет никто из них ни разу не бывал в шато, у них сохранились лишь смутные детские воспоминания о нем. – Может, он стоит того, чтобы оставить его себе. Ведь можно же сдавать его в аренду и таким образом получить деньги на содержание. А если будет еще и прибыль, все мы найдем как распорядиться ею.

– Только после того, как мы вбухаем в шато целое состояние, – категорично заявила Тимми. – Я не собираюсь тратить средства, которые папа оставил мне на приют для бездомных, чтобы отремонтировать шато во Франции, где я все равно не стану жить.

Джой разделяла ее мнение.

– А я хочу хотя бы взглянуть на него перед продажей, – настаивала Джульетта. – Я могла бы съездить туда в августе, все равно булочная будет закрыта.

В связи со смертью отца Джульетта решила закрыть булочную на остаток июля и весь август, поэтому свободного времени у нее было хоть отбавляй. Она вопросительно взглянула на младшую сестру.

– Поедешь со мной?

– Не знаю... Может быть. Если не буду занята, – уклончиво ответила Джой. Сейчас она могла думать только о том, как будет чаще посещать прослушивания, получит новые роли, и, возможно, благодаря отцу найдет нового агента и менеджера.

– А ты, мама? – Джульетте не терпелось организовать поездку с целью разведки. Об этом она думала весь день.

– Мы могли бы встретиться во Франции, – задумчиво произнесла Вероника. Она не рассчитывала когда-либо вновь побывать в шато, с которым у нее было связано немало воспоминаний. Большинство имело сладковато-горький привкус.

– А как быть с Софи? – продолжала Джульетта. – Мне кажется, мы должны встретиться с ней, – обе ее сестры и мать замерли, потрясенные новым предложением. – Надо же выяснить, с кем нам придется иметь дело. Как-никак, она нам сестра.

– Сводная сестра, – строго поправила Тимми из уважения к матери.

Она жалела, что Веронике этим утром пришлось узнать о романе и внебрачном ребенке их отца. Он поступил, как всегда: сообщил новость постфактум вместо того, чтобы во всем признаться еще при жизни. Вероника ничем не заслужила такое отношение, особенно после смерти Пола. Тимми воспринимала случившееся как пощечину, которая досталась Веронике. Одной рукой Пол подарил каждой из них заветную мечту, а другой отнял всякое желание чтить его как отца и мужа матери.

Тимми была особенно ненавистна боль, которая застыла сейчас в глазах Вероники. Боль не просто потери, а предательства, что гораздо страшнее. Отношения Тимми с матерью были прохладными, Тимми вообще предпочитала ни с кем не сближаться, однако Веронику уважала, была предана ей и злилась на отца за финальный удар. Картина, которую он ей завещал, была слишком ничтожной попыткой смягчить его.

– Я не хочу с ней встречаться, – открыто заявила Тимми, имея в виду Софи, и Джой явно задумалась о том же. Она любила мать, но с вновь обретенной сестрой следовало хотя бы познакомиться.

– А я пока не знаю. Вдруг она неприятный человек? Или попытается вытянуть из нас больше денег за шато? – встревожилась Джой.

– Берти уж точно попробует, – сухо заметила Тимми. – Вряд ли он просто смирится с решением отца. Мы о нем еще услышим. Не хватало нам еще только Софи на нашу голову. Одна головная боль здесь, другая во Франции.

– Мама, ты не могла бы что-нибудь разузнать о ней? – осенило Джой.

– Пожалуй, я могла бы обратиться к частному детективу. Выяснить, что она за человек, вряд ли будет трудно.

Она опасалась, что Софи и ее мать предъявят к ним претензии – впрочем, до сих пор они не пытались связаться с Вероникой или девочками, или же добиться, чтобы Пол признал отцовство. Иначе Вероника знала бы об этом. К тому же Пол в завещании упомянул, что никогда прежде не помогал этим двоим. Но разузнать подробности не помешает, к тому же Веронике было любопытно: сколько продлился этот роман, где познакомились любовники? Веронике все еще ужасало то, что она так и не узнала об этой связи Пола и даже не заподозрила о ней. Ни о какой Элизабет Марнье и ее дочери она прежде не слышала. Даже теперь примириться с этим известием было тяжело.

– Я что-нибудь выясню, когда вернусь во Францию.

Разобравшись с одним вопросом, они продолжали обсуждать завещание отца и его неожиданные подарки. Сестры радовались открывшимся перед ними возможностям, но к радости примешивалась горечь: оказывается, все это время у них была сводная сестра.

– Бредовое завещание, – заметила Джой. Впрочем, Пол подумал о потребностях каждой дочери, проявив редкую дальновидность.

– Вот и Берти наверняка того же мнения, – усмехнулась Тимми, и все, даже Вероника, засмеялись, вспоминая безобразную сцену в офисе Арнольда – всего за несколько минут до того, как он сообщил им о Софи.

– Честно говоря, я была в шоке, – призналась Джульетта, немного расслабившись после хорошего ужина и вина.

– И я тоже, – подхватила Джой.

Вероника вздохнула. Она-то не сомневалась, что пережила шок, и была ранена в самое сердце, когда узнала, сколько лет внебрачной дочери Пола и когда она родилась.

– Возможно, она славная девушка, – Вероника попыталась проявить великодушие.

– Вряд ли, если вспомнить, с женщинами какого типа он обычно встречался, – возразила Тимми, и мысленно все с ней согласилась.

После развода с Вероникой у Пола не было ни серьезных, ни хоть сколько-нибудь достойных отношений с приличной женщиной. Значение имело лишь самолюбие Пола и внешность женщин. На момент развода Полу исполнилось шестьдесят, и Тимми утверждала, что он женится вновь, как только найдет достаточно состоятельную подругу, но к тому времени его репутация уже была всем известна. Никто не пожелал выйти за него замуж, повторяя печальный опыт Вероники. Однако Пол и не думал горевать, на ее отступные он жил припеваючи.

К концу ужина у них появились пока что неопределенные планы встретиться во Франции в августе, в зависимости от того, что Вероника сумеет разузнать о матери и дочери Марнье. Все согласилось, что осмотреть шато необходимо, чтобы принять обдуманное решение, – кроме Тимми, которая решительно заявила, что пожелает продать свою долю, даже если шато окажется точной копией Версаля.

Джульетта не отказалась от своих намерений осмотреть доставшуюся ей собственность, а Джой сказала, что составит ей компанию, чтобы развеяться, если не подвернется подходящая работа, но в целом соглашалась с Тимми: ей не нужны обязанности и затраты, которые неизбежно повлечет за собой владение недвижимостью во Франции. И то и другое представлялось Джой кошмаром.

– Так когда ты возвращаешься, мама? – спросила Тимми, когда они выходили из ресторана.

– Пока не знаю. Наверное, через несколько дней.

Уезжая на похороны, Вероника забрала из дома в Сен-Тропе все свои вещи, поэтому ей было незачем возвращаться туда на оставшийся срок аренды, но и в Нью-Йорке дел не находилось, поэтому она решила провести последний месяц лета в Европе. Никаких планов Вероника не строила, просто рассудила, что Париж в июле и августе не так уж плох, хоть и не богат событиями. Так или иначе, ей не до развлечений. А Париж в любом случае лучше душного Нью-Йорка.

– А картина, которую папа оставил тебе? – любопытствовала Джульетта. За ужином они забыли о картине, увлекшись разговором о Берти, Софи и шато. – Она настоящая?

– Я никогда не считала ее подлинником, – негромко объяснила Вероника. – Но о полотнах эпохи Ренессанса судить трудно. Картина могла быть написана кем-нибудь из учеников художника, которых у него было несколько, самим Беллини или ловким подражателем. Мне всегда хотелось выяснить это, но не доходили руки. А потом, при разводе, ваш отец взял ее себе. Картина и вправду прелесть, даже если это подделка, – лицо Вероники стало задумчивым. Прочитанное завещание пробудило в ней слишком болезненные воспоминания.

– Обязательно выясни это, – посоветовала Джой, которая с сегодняшнего утра обращалась с матерью гораздо ласковее, чем обычно. Вероника не позволила себе ни единого замечания о том, что Пол решил помочь Джой с актерской карьерой – из уважения к ее решениям и от растерянности после того, как узнала о Софи. Это известие сплотило мать и трех дочерей. Все споры между ними оказались забытыми перед лицом более серьезной угрозы и общего врага, которого все они были готовы презирать. Не стоило забывать и о Берти, объявившем войну всем четверым. Маленькой семье казалось, что враги окружают их со всех сторон.

– Пожалуй, я все-таки займусь той самой картиной, – с усталым видом произнесла Вероника. – Съезжу в Италию вместо Франции.

Она всегда любила бывать в Риме, Флоренции и Венеции, осматривать музеи и соборы. О поездке она задумалась вновь, вернувшись домой тем вечером. Но вместе с тем предстояло найти в Париже частного детектива и поручить ему собрать сведения о матери и дочери Марнье. Это первоочередная задача, она должна заняться ею ради себя самой и ради дочерей. Подумать следовало о многом.

Следующим утром Вероника размышляла с чего начать, когда ей позвонил Арнольд – узнать, как у нее дела, и извиниться за шок, вызванный у нее вчерашним чтением завещания.

– Я уговаривал его обо всем рассказать тебе лично, – мягко объяснял Арнольд, – но он отказался. И поручил это дело мне. Ему самому такие вещи не давались, – Арнольд вздохнул. Оба знали, что это правда: Пол делал только то, что получалось у него легко, а за трудные дела предпочитал не браться вообще.

– Теперь это уже не важно, – поспешила успокоить Арнольда Вероника, втайне желая поверить собственным словам. Но не придавать случившемуся значения она не могла, оно оставило неприятный осадок, мнение Вероники о бывшем муже изменилось. Слишком часто он разочаровывал ее и даже теперь ранил чувства их детей, хоть и сумел разумно распорядиться своим имуществом. Вдруг Вероника вспомнила, о чем хотела спросить Арнольда после вчерашнего разговора с дочерьми.

– Ты не мог бы найти мне фотографию картины, которую Пол завещал мне? Наверняка она есть где-то в его бумагах.

– Я могу переслать тебе саму картину как можно скорее, – услужливо предложил Арнольд, но к этому Вероника была еще не готова. Для такого большого полотна на ее стенах требовалось еще поискать место. Придется делать перестановку, чтобы освободить его,

а Вероника пока не знала, готова ли на такие жертвы, особенно если картина окажется подделкой. В ее душе боролись чувство обиды и нежные воспоминания о давно прошедших временах.

– Пока мне достаточно фотографии. Мне все равно придется пока что поместить ее в хранилище.

– Снимок я поищу, – пообещал Арнольд. – Хочешь, поужинаем вместе? Тогда я и передам его тебе, – с надеждой добавил он. Мириться с поражением он не желал.

– Честно говоря, я до сих пор не в себе. Вчера ты дал нам слишком обильную пищу для размышлений. А через несколько дней я улетаю во Францию. Надо еще разобраться с делами и уложить вещи, – она была не в настроении держать на расстоянии Арнольда с его осторожными, но настойчивыми ухаживаниями. – Я намерена нанять частного детектива в Париже и поручить ему сбор информации об обеих Марнье, – чтобы сменить тему, сообщила она, и Арнольд поддержал ее, пообещав до отъезда прислать фотографию предполагаемого Беллини.

– Хочешь выяснить заодно и насчет картины? – спросил он.

– Пожалуй. Может, не сразу. Не знаю, хватит ли мне времени. В Венеции есть один монастырь с огромными архивами, где занимаются установлением подлинности картин, особенно тех, насчет которых имеются сомнения. В любом случае было бы интересно побывать там. Однажды я ездила туда с мамой, после того, как она прочитала, что мой дед писал об этом монастыре в своей книге. Маму всегда завораживали подделки, и я унаследовала от нее эту черту. Если окажусь в Италии, попробую заехать и в монастырь.

– Когда вернешься?

– Не знаю. В конце августа или в сентябре. Я собираюсь вместе с девочками в шато.

– Они хотят оставить его себе? – оживился Арнольд.

– Вряд ли. Такая обуза, как шато во Франции, им ни к чему. Им и здесь хватает дел.

Оба знали, что Вероника могла бы взять ответственность за шато на себя, но она этого не хотела. Она когда-то отдала шато Полу, и эта часть наследства стала для нее древней историей.

– Я пришлю тебе фотографию до того, как ты уедешь, – снова пообещал он. – Интересно, что из этого выйдет. Сообщи мне, когда узнаешь. И про Софи с матерью тоже.

По своему обыкновению, Пол оставил за собой след из тайн и проблем, и причудливое сочетание радости и боли, поскольку, как всегда, думал лишь о себе.

Два дня спустя, когда Вероника уже заканчивала дела и укладывала вещи, Арнольд снова позвонил ей. Он получил письмо от адвоката, представляющего интересы Берти: тот выражал явное недовольство тем, как было поделено наследство его отца. Берти предлагал сестрам шанс договориться с ним, выделить ему долю шато и денежную сумму, «чтобы все уладить мирным путем». Обращался он преимущественно к Тимми, получившей самую крупную сумму. В случае, если сестры откажутся, он обещал разобраться с каждой из них отдельно, потребовать свою долю недвижимости и возбудить судебный процесс, чтобы опровергнуть завещание.

Слушая письмо, которое Арнольд зачитал ей, Вероника только вздыхала, но не удивлялась.

– Я так и знала, что он отважится на такое. Это его единственный шанс получить хоть что-нибудь от Пола и девочек, – с горечью произнесла она.

– Он досаждал бы и тебе, если бы мог, но тебе не досталось ни шато, ни денег. А картина, которую ты считаешь подделкой, его явно не интересует.

– Ну и напрасно, – сказала она Арнольду. – Если это подлинник, он стоит целое состояние.

– Цель Берти – беспроблемный вариант и быстрые деньги. На самом деле он хочет отступных, а не суда. Потому и пытается запугать сестер, – Арнольду это было ясно, как день, и Вероника согласилась с ним. – Как думаешь, девочки дадут ему что-нибудь, лишь бы отделаться?

– Ни за что, – с уверенностью ответила Вероника. Ее дочери ненавидели сводного брата долгие годы и хорошо знали, что он за человек. И были склонны к благотворительности гораздо меньше, чем Вероника. – И правильно сделают. Он не заслужил ни гроша. Мы с Полом дали ему более чем достаточно, а он спустил все. И снова спустит, – Арнольд согласился с ней. – Что будем делать с ним дальше?

– Подождем, посмотрим, подаст ли он в суд, тогда и будем решать. В суде ему мало что светит, если учесть его предысторию, а Пол имел право оставить наследство кому хотел. Самое большее, на что способен Берти, – досаждать девочкам, требуя отступных. Лично я считаю судебное преследование бессмысленным, но если хочет, пусть попытается.

Вероника склонялась к мысли, что Берти все-таки попробует.

Все три дочери позвонили ей позже в тот же день, после того, как Арнольд переслал им письмо Берти по факсу. Все трое негодовали, но ничуть не удивлялись.

– Мы дадим ему отпор, пусть только попробует подать в суд, – коротко высказалась Тимми, и Вероника поняла, что она не шутит. Ее дочери не питали к Берти никаких родственных чувств, и Тимми особенно: она всегда считала его подлецом, терпеть не могла с самого детства, видела насквозь и знала его изворотливость и лживость. Арнольд предупредил, что Берти может попытаться даже претендовать на долю Софи, поскольку отец не признал ее открыто при жизни. Однако Арнольд сомневался, что этим Берти хоть чего-нибудь добьется, разве что затерроризирует Софи, вынудив ее сдаться. Претензии Берти абсолютно беспочвенны. На его стороне лишь зависть, злоба и алчность, а они не дадут ему никакого преимущества в суде.

Голос Джульетты в разговоре с матерью звучал встревоженно, ей были вовсе ни к чему лишние стрессы в судах. Вероника попыталась успокоить ее, а на следующий день приехала в Бруклин, чтобы повидаться и обнять среднюю дочь перед отъездом во Францию. Они душевно поговорили в крошечной квартире Джульетты, и Вероника пообещала сразу же сообщить, как только детектив разузнает что-нибудь о Софи Марнье.

Тем вечером Вероника заехала и к Тимми – всего на несколько минут, чтобы попрощаться. Обычно она прощалась с дочерьми по телефону, но на этот раз, после смерти отца, решила перед отъездом встретиться лично с каждой. На следующий день она улетала в Париж – всего через девять дней после прибытия из Ниццы, а ей казалось, что прошло лет десять. Приезд получился мучительным, переполненным эмоциями, хорошими и плохими сюрпризами, всем хаосом, который оставил после себя Пол. Веронике уже не терпелось вновь очутиться в тишине и покое своей парижской квартиры на острове Сен-Луи.

Арнольд разыскал для нее снимок картины Беллини, чтобы она занялась поисками, если все-таки решит отправиться в Италию. Фотографию Вероника взяла с собой в ручной клади, вместе с копией последнего письма Берти и копией завещания.

С Джой, уже улетевшей в Лос-Анджелес, Вероника попрощалась по телефону. Джой была страшно занята, но в превосходном настроении. Она уволилась из ресторана и теперь встречалась с преподавателями актерского мастерства и агентами, чтобы выбрать наилучших. Мать искренне порадовалась за нее. Все переменялось, и по примеру Пола, Вероника была готова поддерживать Джой в ее стремлениях сделать актерскую карьеру. Джой не верила своим ушам: о такой поддержке она даже не мечтала.

Вероника примирилась с желаниями Джой – в конце концов, ей уже не двадцать лет, она доказала свою преданность актерскому искусству, снимаясь в эпизодах и подрабатывая официанткой последние пять лет. У нее действительно есть талант, она серьезно относится

ко всем испытаниям, которые ей предстоят. Вероника не имела права стоять у нее на пути, ведь речь шла о жизни Джой и ее заветной мечте.

На следующий день Вероника улетала с тяжелым сердцем. Столько событий произошло за короткий срок, остатки ее иллюзий насчет Пола и их брака обратились в прах. Радовало лишь то, что она сблизилась с дочерьми, как никогда прежде. И все-таки в самолете она, как ни странно, ощутила тоскливое одиночество. Пола больше нет, цепляться за воспоминания о нем как о муже или даже друге бессмысленно. И как бы крепко она ни любила дочерей, они уже взрослые, у них своя жизнь. Она и без того слишком долго зависела от них эмоционально. И даже не попыталась наладить личную жизнь после Пола. В то время дети были еще слишком малы, и она льнула к ним и к бывшему мужу, хоть и не так, как прежде. Но его смерть наконец оборвала отношения. Нью-Йорк остался далеко внизу, и Вероника вдруг поняла, что еще никогда в жизни ей не было настолько одиноко.

Глава 5

Самолет совершил посадку в аэропорту Шарль-де-Голль в шесть часов на следующее утро, Вероника добралась до города в такси как раз к тому моменту, когда рассвет раскрасил небо над Парижем в ярко-розовый и оранжевый цвет. Оно напоминало одну из картин импрессионистов из коллекции Вероники, и она чуть не расплакалась, настолько этот вид был прекрасным, а она сама – рада возвращению в любимый город. Почему-то в Париже она всегда успокаивалась и находила утешение. Несмотря на то, что она много лет прожила в других городах, в том числе и в Нью-Йорке, именно Париж всегда воспринимала как родной дом.

О своем приезде Вероника предупредила экономку заранее, и когда вошла в свою квартиру со слегка покатыми полами и головокружительным видом на Сену, то нашла в ней полный порядок, свежий багет на кухне, корзинку фруктов, похожую на натюрморт, и свою любимую еду в холодильнике. Покрывало на постели с идеально отутюженным бельем было приветливо откинута – на случай, если хозяйка захочет вздремнуть. Вероника любила Кармину, свою нью-йоркскую помощницу по дому, но ничто в мире не могло сравниться с ее парижской квартирой и тем, как безупречно парижская экономка создавала в ней уют и порядок.

Вероника сжевала яблоко, сварила себе кофе и уселась за кухонный стол у окна, наслаждаясь внутренним ощущением покоя. По сравнению с минувшей ночью ей стало гораздо легче. Затем она приняла душ и ненадолго легла в постель. На день у нее был запланирован целый список дел, но прежде следовало немного расслабиться и отдохнуть. День обещал быть жарким, а в квартире Вероники не было кондиционера, но это ее не беспокоило: она любила жару, а почти опустевший город в июле казался ей особенно мирным, ритм жизни в нем замедлялся. Полстраны уезжало в отпуск в июле, другая половина – в августе, когда в Париже становилось еще тише и многие рестораны и магазины закрывались.

Вероника проспала два часа на прохладном льняном белье, а когда проснулась, близились полдень. Она позвонила знакомому юристу и попросила порекомендовать ей частного детектива, потом позвонила детективу и с радостью обнаружила, что он не уехал в отпуск. Объяснив ситуацию, она назвала имена обеих женщин и сообщила, что они живут где-то в окрестностях Сен-Поль-де-Ванса. Детектив пообещал связаться с ней по почте, как только узнает, где живут мать и дочь Марнье, чем занимаются, состоят ли в браке, еще какие-нибудь подробности их жизни. По-видимому, он считал задачу несложной, если, конечно, люди, которые интересуют Веронику, живут все там же и не исчезли бесследно. Но Вероника уже знала от Арнольда, что их адрес остался прежним.

После этого разговора Вероника испытала такое облегчение, будто уже выполнила свою миссию, и сразу же отправила по электронной почте письма дочерям, сообщая, что сбор сведений о Софи-Агнес Марнье и ее матери начался. Затем она попыталась на время забыть об этих женщинах и отправилась гулять.

Она неторопливо прошлась по набережной Сены, вдоль прилавок с книгами, мелкими сувенирами для туристов и фотографиями Парижа, потом зашла в кафе, выпить кофе и чем-нибудь перекусить. Сидя в кафе, она наблюдала за прохожими, среди которых было много туристов, затем дошла пешком до собора Нотр-Дам и вернулась к себе на Бетюнскую набережную.

Дом, принадлежавший ее деду, а позднее – ее родителям, находился поблизости, но туда она не зашла – не было причин. Обычно она бывала в старом доме, только когда требовалось принять решение о каком-нибудь ремонте или замене. Дом она сохранила как святилище ее прошлого, а жить предпочитала в светлой квартире с видом на Сену. Мысленно она

вернулась к планам на предстоящие несколько недель. Времени у нее было предостаточно. Размышляя об этом, она достала снимок предполагаемого полотна Беллини и внимательно взгляделась в него. Внезапно мысль о том, чтобы съездить в Венецию, попытаться выяснить историю картины и проверить ее подлинность с помощью монастырских архивов, показала ей заманчивой. Летом в Венеции многолюдно и жарко, зато она сможет заняться делом, которое ей по душе. И поскольку теперь картина принадлежит ей, надо узнать, подлинник ли это, и сообщить результаты исследований дочерям.

Вероника положила фотографию в папку, в которой привезла документы, и вдруг экспромтом решила отправиться сначала в Рим. Она любила этот город и никогда не скучала там, даже если приезжала одна, а оттуда она могла бы отправиться в Венецию, выяснять историю картины. Италия неизменно вдохновляла ее, именно вдохновения ей сейчас не доставало. Первые недели после смерти Пола обещали стать самыми гнетущими. Его дочери уже вернулись к прежней жизни, и Веронике требовалось найти себя. Теперь, без Пола, ее мир ощущался иным. Как ни странно, постепенное угасание Пола и его открывшееся уже после смерти последнее предательство избавили Веронику от прежних уз; даже после развода она не чувствовала себя настолько свободной. Но вместе с тем она скучала по нему. Незримые узы между ними существовали всегда, и вот теперь их наконец-то удалось разорвать. Внезапно Веронике захотелось хоть что-нибудь сделать для себя, и поездка в Рим показалась ей неплохим началом. Ей достаточно пробыть в столице всего один день, а потом направиться в Венецию.

Вероника забронировала номер в отеле «Чиприани» в Венеции и «Хаслер» в Риме, а также билет на рейс до Рима на завтра. Путешествуя в одиночку, она наслаждалась свободой: не надо было подстраиваться под чужие планы или беспокоиться о желаниях спутников. Уложив маленькую сумку, на следующее утро она была готова отправиться в путь. Фотографию полотна Беллини она взяла с собой и с нетерпением ждала поездки в монастырь. Само по себе пребывание в Италии обещало стать запоминающимся. Ей предстояло приключение.

Самолет приземлился в римском аэропорту Фьюмичино, где Вероника взяла такси до города. Отель «Хаслер» находился в самом центре, возле лучших магазинов и фонтана Треви, над Испанскими ступенями. Номера здесь были старомодно-элегантными, Вероника любила этот отель, несмотря на воспоминания о том, как раньше она останавливалась здесь с Полом. Задвинув их в дальний уголок памяти, она прошла в свой номер с живописным видом из окна. Мебель в нем была обита желтым атласом, над кроватью возвышался балдахин.

Вероника не стала задерживаться в номере и уже через полчаса после прибытия покинула отель. На улицах было и впрямь многолюдно и жарко. Вероника выбрала для прогулки белое платье из хлопка и сандалии: носить траур по Полу она перестала с тех пор, как услышала его завещание. Ей хотелось закрыть дверь, ведущую в прошлое, но она понятия не имела, что ждет ее впереди.

Она гуляла несколько часов подряд: заходила в церквушки, заглядывала в свои любимые магазины, купила несколько симпатичных пар туфель и распорядилась доставить их в отель. И повсюду, где она побывала, ей то и дело попадались пары – обнявшиеся, идущие рука об руку, часто встречались семьи с маленькими детьми, и к тому времени, как она вернулась к фонтану Треви, ей вновь стало одиноко. Как чудесно было бы поделиться этим городом с близким человеком! Но эти времена для нее остались в прошлом. Задумавшись, она наблюдала, как люди загадывают желания у фонтана.

Мальчишка-нищий подбежал к ней и предложил разменять купюры монетками. Вероника улыбнулась, согласилась, дала ему монетку в уплату за услугу и снова задумалась, зажав монеты в руке. Она понятия не имела, чего могла бы пожелать, и тогда мальчишка

объяснил по-итальянски, что сначала загадывают удачу, потом – найти настоящую любовь, а в третий раз – вернуться в Рим. Вероника знала итальянский достаточно хорошо, чтобы понять его слова.

Долгое время она смотрела на фонтан, пока не заметила, что за ней наблюдает незнакомый мужчина в джинсах и голубой рубашке. С сосредоточенным выражением лица он направил объектив массивного фотоаппарата на Веронику, приготовился сделать кадр, но увидел, что она смотрит на него, и остановился. Их взгляды на мгновение встретились, потом она отвела глаза. У незнакомца было молодое лицо и волосы цвета соли с перцем, Веронике его внешность показалась европейской. В нем было нечто такое, что выделяло его из толпы. Минуту погодя незнакомец исчез, а Вероника снова задумалась о своих желаниях.

Наконец она бросила в фонтан все три монетки, по совету маленького итальянца пожелав себе удачи, любви и возвращения в Рим, и ее тут же охватила грусть. Она направилась прочь, решив поблуждать по улицам еще немного, а потом вернуться в отель. Движение на улицах было оживленным и беспорядочным, повсюду толпились пешеходы, в толпе слышалось не менее полудюжины языков одновременно, и от всего этого веяло такой живостью и энергией, что Веронике расхотелось возвращаться в номер и сидеть там одной. Рим – город, который лучше осматривать вместе с кем-то, и она расстроилась, что ей некому показать поразительную красоту, окружающую ее со всех сторон.

Вероника побродила еще час, нашла еще две изумительные маленькие церкви и уже направлялась обратно к фонтану, испанским ступеням и отелю, как вдруг очутилась в самой гуще уличного движения. Она стояла посреди улицы, а мимо с обеих сторон проносились машины, между которыми шныряли скутеры. Вероника замерла, словно окаменев, и не знала, в какую сторону повернуться. Подняв голову, она увидела, что красный «Феррари» мчится прямо на нее. Она уставилась на него, как на разъяренного быка, застыла неподвижно, понимая, что сейчас машина сойдет с нее, и она, наверное, умрет. Как загипнотизированная, Вероника не могла шелохнуться, глядя на несущуюся машину и водителя, и внезапно ей стало все равно, что будет дальше. Пол предал ее, детям она больше не нужна, ей уже не о чем мечтать, и хотя вокруг бурлит жизнь, ей уже неважно, будет она жить или умрет. Совершенно неважно. Какая разница, где умирать, – дома или на улицах Рима?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.